

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт мировой литературы имени А.М.Горького

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

Публикации. Исследования

Москва
ИМЛИ РАН
2002

Редактор-составитель
А.Г. Бойчук

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н.А. Богомолов*
доктор филологических наук *М.В. Михайлова*
кандидат филологических наук *М.В. Козьменко*

Андрей Белый. Публикации. Исследования. — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — 366 с.

Сборник публикаций и исследований, посвященных жизни и творчеству Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева, 1880–1934), подготовлен на основе материалов двух международных научных конференций, прошедших в ИМЛИ РАН в октябре 1993 и октябре 1994 гг. В отдельном разделе представлены архивные публикации произведений Белого — повесть «Пробуд» (1928) и юношеская поэма «Фонтан», новонайденные фрагменты его эпистолярия и др. В исследовательских работах, в числе авторов которых — ученые России, США, Израиля, Италии, Японии, рассматривается широкий спектр проблем, связанных с различными аспектами наследия Белого — прозаика, поэта, литературного критика и теоретика символизма. Публикуется также библиографический указатель «Андрей Белый, 1986–1993». Книга адресована специалистам-филологам, а также всем, кто интересуется отечественной литературой и культурой Серебряного века.

© Коллектив авторов, 2002
© Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, 2002

ISBN 5-9208-0127-1

I. ПУБЛИКАЦИИ

«Я чаю к иным берегам...»: «Пробуд» Андрея Белого

«“Пробуд”, 1928 г. Первая глава первой редакции романа “Маски”, машинопись. 85 л.» — так представлен публикуемый текст в обзоре литературного наследия Андрея Белого¹. Несмотря на то, что «Пробуд» помещен в раздел «рукописей, сильно отличающихся от печатного текста», он не привлекал до сих пор внимания исследователей. Возможно, это объясняется «провокационным» указанием на то, что «Пробуд» — «первая глава» романа. Но «Пробуд» мыслился в таком качестве, лишь пока замысел «Масок» еще не выкристаллизовался. «Пробуд» действительно отражает определенную стадию работы писателя над последним романом московской трилогии — романом «Маски», но одновременно является и законченным целым, имеющим начало и конец, отличное от романа заглавие и отличную от романа концепцию.

Жанровая природа и история происхождения «Пробуда» весьма своеобразны. Он представляет собой особый вид авантекста. Если бы речь шла не о литературном произведении, а, к примеру, о современном кино- или телесериале, то жанр «Пробуда» следовало бы определить как «пилот». Разница лишь в том, что фильм-пилот проходит апробацию на публике до того, как авторы приступают к серийной съемке, а повесть-пилот Андрея Белого осталась лежать в архиве и читателю не знакома.

Впрочем, есть и еще существенное отличие. «Пробуд» выделился в самостоятельное произведение не по замыслу автора, а почти против его воли, можно сказать, по таинственным законам психологии творчества, к которым так любят апеллировать художники.

Первоначально задумывалось, что «Пробуд» будет первой главой второго тома «Москвы», то есть первой главой романа «Маски». «Готовлюсь к “Москве”», — отмечал Белый в «Ракурсе к дневнику» 13 сентября 1928 г.; и — 15 сентября — «Начал работу над Первой гла-

---

* Работа выполнена при поддержке Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 512/1999.

вой 2 т. “Москвы”»². В сентябре же о творческих достижениях мужа К.Н.Бугаева информировала ближайшего друга семьи, критика и философа Иванова-Разумника: «Б<орис> Н<иколаевич> уже заработал над “Москвой”. Начало очень сильное, угрюмо грозное. Вой ветра в просторах развала распада о страшной расправе. Это так действительно само по себе, дает такой мощный эпический тон, что почти жаль растворять его в фабуле. Эта работа занимает утро»³. А 2 ноября 1928 г. Белый сам сообщал Иванову-Разумнику уже об окончании важного этапа работы: «С последнего мига нашей встречи по сие время я беспрерывно в Кучине, а канув в роман, — вовсе канул: недели неслись, как миги, очнулся лишь сегодня, допереписав первую главу, которая вышла большой (84 страницы), отняла 1 ½ месяца; ее не писал, а скорей складывал в голове, выборматывая строчки на кучинском дворике <...>»⁴.

По свидетельству К.Н.Бугаевой, Белый первоначально планировал в новом произведении «сосредоточиться главным образом на тематике войны, России, народа, Коробкина и Серафимы. Так он и начал писать осенью 1928 г. (сентябрь-октябрь). Вскоре, однако, ему пришлось оставить “Москву” и приняться за предложенную издательством “Федерация” “Диалектику ритма”. Из “Москвы” он успел закончить одну лишь главу (первую). За это короткое время произошло очень важное изменение, никак не предвиденное Б<орисом> Н<иколаевичем>. В записях его дневника, 15 октября 1928 года отмечено: “... сдвиг фабулы”⁵. Дело в том, что, заканчивая “М<оскву> п<од> ударом”, Б<орис> Н<иколаевич> полагал, что он навсегда распрощался с Мандро, “похоронил” его, так сказать, окончательно. <...> Но, — “вопреки воле автора”, Мандро “не пожелал упраздниться” и “заявил о себе” самым решительным образом. Б<орис> Н<иколаевич> был не в состоянии “угомонить притязания Мандро”, и должен был придумывать объяснение, данное в “Масках”: Мандро не умер, а выкраден из больницы своими покровителями-иезуитами”⁶.

Как следует из мемуаров К.Н.Бугаевой, «в первый момент, когда выяснился “поворот” фабулы на Мандро, Б<орис> Н<иколаевич> был по-настоящему огорчен, огорчен до возмущения. Переживал этот скачок как прямое насилие над собственной волей.

— Не хочу глядеть в эту сторону... Я-то хочу писать о другом... Я чалю к иным берегам... Мне дела нет до их мерзи... Ведь вот вижу: все идет вкривь... Ущемился профессор, оттого, что раздулся Мандро. Серафима убита: будет “бледная тень на стене” <...> А на всех — рук не хватит... Я и так уже болен....

И вновь бунтовал, возмущался, был действительно болен. Переключение далось нелегко: слишком сильно звучали иные мотивы, иная тональность задуманного, — тональность, в которой широкая музыкальная тема “Слова о полку Игореве” пересекалась с Шекспиром.

Так и была первоначально написана эта “первая глава второй части”, получившая позднее название “Пробуд”. Она начиналась словами: — “Молкнет речь, молкнет Русь, молкнет ночь в шелестениях поля несжатого”...»⁷.

К работе над романом «Москва» Белый вернулся только спустя год, в сентябре 1929 г.: «<...> числа с 10-го углубился в “Москву”<...>»⁸. Сразу же обнаружилось, что «написанное в прошлом году должно быть заново переработано; пришлось как бы писать заново»⁹. Причиной отказа от «заготовки» 1928 г. стал уже упоминавшийся «сдвиг фабулы». Он привел к тому, что «война, фронт, народ и Россия отгеснились с переднего плана, стали лишь фоном картины. Интрига опять «осредоточилась на Мандро, который разрастался опять неудержимо»¹⁰.

Осенью 1929 г. Белый пишет новое начало романа: «Считаю, что написана 1-ая глава “Масок Москвы” <...>; ее дописывал в октябре»¹¹. «Пробуд» же, в итоге, не стал ни первой, ни второй, ни третьей главой «Масок». Белый «утопил», «растворил» «Пробуд» в «Масках»: отдельные его фразы, кусочки, абзацы и более крупные фрагменты были инкорпорированы в разные части нового произведения.

Вероятно, Белому было жаль первоначального замысла «Пробуда» и положенной в его основу идеи, отличной от той, которая реализовалась в «Масках». Потому-то «Пробуд» был оформлен как самостоятельное произведение, с заглавием, датой завершения и подписью автора в финале, перепечатан и сдан на хранение в архив — ждать своего часа.

Один экземпляр машинописи «Пробуда» находится в «Мемориальной квартире Андрея Белого на Арбате» (отдел Государственного музея А.С.Пушкина). Машинопись поступила в музей из семейного архива К.Н.Бугаевой. Идентичная машинопись хранится в фонде Андрея Белого в ГПБ (Ф. 60. Ед. хр. 146). Обе машинописи авторизованы и соответствуют параметрам, указанным К.Н.Бугаевой в обзоре литературного наследства Андрея Белого (содержат 85 листов).

Автограф «Пробуда» находится в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 36). Автограф содержит два слоя правки. Правка чернилами — более ранняя и производилась, по-видимому, непосредственно во время работы над текстом и его переписыванием. Правка карандашная (использова-

лись простой и синий карандаш) — более поздняя. Она вносилась, по-видимому, при подготовке текста для перепечатывания. Карандашная правка учтена в машинописи и отражает окончательную волю автора. Не воспроизведены в машинописи лишь пушкинские строки «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями», использованные в рукописи в качестве эпиграфа.

В целом, правка не очень существенна и носит скорее стилистический характер. Однако сколько-нибудь заметные разночтения договорены нами в постраничных примечаниях.

Наиболее важны слои правки на первой странице рукописи — на обложке. Самый ранний, «чернильный» слой гласит: «"Москва"». II том. Первая глава. «Тело"». Впоследствии без изменений осталось лишь начало: «"Москва"»; II том». «Пробуд» — окончательное заглавие текста — вписано на обложке синим карандашом вместо зачеркнутого первоначального — «Тело». Зачеркнуто и указание на то, что текст является «Первой главой»: вместо этого вписано: «Первая редакция 28 года».

При публикации мы стремились к сохранению авторской орфографии и пунктуации, однако исправлены очевидные опiski и опечатки, а также явные несоответствия современным нормам русского языка.

* * *

В том, что публикуемый текст получил название «Пробуд», скрыт глубокий автобиографический смысл и, одновременно, прозрачное указание на антропософский «код» к пониманию произведения.

Образы сонного и пробуждающегося сознания были ключевыми в лекционном курсе «Пятое Евангелие», прочитанном основателем антропософии Р.Штейнером в 1913 г. в Христиании (Осло)¹². Белый, присутствовавший на лекциях, так оценил их значение: «Я оказался в числе очень немногих, присутствовавших при откровении <...> они удостоились видеть доктора в момент первого обнаружения венца всех его слов о Христе Иисусе»¹³. В лекциях говорилось, что «Пятое Евангелие», или «евангелие антропософии», открывается лишь взору ясновидящего, взору посвященного¹⁴. Отправной точкой изложения стал у Штейнера анализ сна, овладевшего апостолами в Гефсиманском саду во время моления Христа о Чаше. Согласно «Пятому Евангелию», этот апостольский сон был гораздо дольше, чем в канонических Евангелиях: он закончился только в момент сошествия Святого Духа, то есть в «праздник Пятидесятницы». Впрочем, это не был сон в бытовом понимании, он не мешал апостолам «заниматься обычными повседневными делами, уходить и приходиться... Так что

те, которые жили вместе с ними, казалось, не замечали, в каком состоянии сознания они находились». Но тем не менее сознание апостолов было смутным, сомнамбулическим, не воспринимающим адекватно происходящее перед их взором. Они как бы проспали то, что случилось на Голгофе и после нее: и смерть на кресте, и воскресение, и встречи с Воскресшим, и вознесение... Все эти события виделись им как образы сновидений. «Но пришло мгновение, когда апостолам показалось, что после долгого <...> пребывания как во сне, они проснулись от этого сна. Пятидесятница отмечает это пробуждение. <...> Они были разбужены первоизданной силой любви, которая наполняет и согревает вселенную, точно эта первоизданная сила любви погрузилась в душу каждого из них». Вспомнить и осмыслить события, свидетелями которых они являлись, апостолы смогли только потому, что были «оплодотворены космической любовью», или «импульсом Христа». Актуальной задачей антропософии Штейнер объявил подготовку к близящемуся второму пришествию Христа, пробуждение человеческих душ к принятию «импульса Христа»...

Под впечатлением прослушанного курса Белый написал Штейнеру «судьбоносное» письмо, в котором не только клялся в личной верности учителю, но и отдавал свою жизнь антропософскому делу. Образы сонного и пробуждающегося сознания вслед за Штейнером Белый взял на вооружение: «И мы знаем: Вам с нами быть — тяжелый, мучительный крест, потому что мы — спим¹⁵, потому что мы можем проспать То, что близится: не увидать и не услышать. Нам нужно молиться и бодрствовать; а бодрствовать мы не умеем; слово Ваше мы просыпаем; мы — в смертном сне. Но мы уже знаем, что спим; знаем, в какое время мы спим; это знание — единственная точка нашего пробуждения; но это знание тяжело: наш сон — распятие Ваше <...> ведь мы — слабые, малые, спящие <...> Если тогда проспали Ученики и если мы еще не проснулись теперь, то как же надеяться нам, что проснемся мы без помощи Вашей? <...> И слова Ваши нам — предупреждение и призыв сбросить сон. <...> надежда наша не в том, что мы бодрствуем (мы еще спим); а надежда лишь в том, что в положенный срок мы проснемся...»¹⁶.

Очевидно, что Белый примеряет на себя апостольскую роль: ученик Штейнера пробуждается ото сна под влиянием слова Учителя, подобно тому как ученики Христа — под влиянием Сошествия Святого Духа. Однако здесь важны не только неофитские амбиции начинающего антропософа. Белый усвоил центральную мысль Штейнера: пробуждение сознания — условие принятия «импульса Христа».

И спустя годы, в «Воспоминаниях о Штейнере» Белый оценивал воздействие на него курса «Пятое евангелие» как «удар: пробуд из сна»¹⁷, а непонимание антропософами сокровенных мыслей учителя, ведущее к тому, что «откровенья делались покровеньями», определял как «явление засыпа»¹⁸.

Показательно, что «Воспоминания о Штейнере» Белый завершил в январе 1929 г., интенсивно работал над ними в 1928 г., после того как поставил точку в конце «первой главы первой редакции романа “Маски”». Названия «Пробуд» тогда еще не существовало. Возможно, именно «Воспоминания о Штейнере», оживившие воспоминания о курсе «Пятое евангелие», подтолкнули писателя к выбору заглавия.

Впрочем, к категориям «сна» и «бодрствования» Штейнер обращался постоянно. Так, с их помощью он осмыслил особенности самосознания современного человечества, специфику ясновидения нового времени: если древнее ясновидение носило бессознательный, «сонный» характер, то ясновидение новое, оплодотворенное «импульсом Христа», — требует осмысленности, то есть — «бодрствования». В одной из своих основополагающих работ, в книге «Очерк тайноведения», Штейнер доказывал, что «познать высшие миры» можно, только достигнув «пробуждения души», и утверждал, что «пробуждение души к такому высшему состоянию сознания может быть названо посвящением (инициацией)». Разбирая пути и способы достижения сверхчувственного познания мира, Штейнер подчеркивал важность систематических занятий, расширяющих границы человеческого сознания и формирующих «духовные орудия наблюдения». Однако он не исключал и другого пути посвящения: «<...> может случиться, что человек в известный момент своего жизненного пути без особой подготовки сделает в своей душе открытие, что в нем развились такие высшие орудия. Это значит, что тогда наступило своего рода самопроизвольное самопробуждение. Такой человек вследствие этого почувствует изменение во всем своем существе. Наступит безграничное обогащение его душевных переживаний <...> Сила и жизненная уверенность вольются в его волю из духовного мира. Такие случаи самопосвящения бывают»¹⁹.

Очевидно, что описанный Штейнером случай «самопосвящения» и «самопробуждения» весьма сильно напоминает то, что произошло с Коробкиным в романе «Москва». Герой московской трилогии профессор Коробкин движется по пути посвящения и самопознания. В I томе «Москвы» (в романах «Московский чудаки» и «Москва под ударом») его математическое открытие стало причиной мировой войны, «бойни»; оно же стало причиной несчастий самого ученого. Короб-

кин подвергается пыткам, лишается зрения и разума, замуровывается, как в могиле, в сумасшедшем доме, то есть проходит жестокий обряд инициации. Во 2 же томе «Москвы» — в романе «Маски» — он выходит в мир, воскресает в новом духовном качестве, обретая новое духовное зрение и новое духовное знание — пробуждается.

«Мистическое посвящение» — универсальная сюжетная основа не только романа «Москва», но и большинства других произведений Белого. Это относится как к текстам, созданным до знакомства со Штейнером, в период символизма («Симфония 2-ая, драматическая», роман «Серебряный голубь», поэтическая трилогия «Золото в лазури», «Пепел», «Урна» и др.), так и к текстам, написанным уже в период увлечения антропософией (повести «Записки чудака», «Котик Легаев» и др.). В позднем творчестве путь посвящения видится Белому вне связи с каким бы то ни было ритуалом, прежде всего как результат внутренней духовной работы человека, направленной на углубление самопознания и рост самосознания.

В большинстве случаев путь исканий приводит героев Белого к мистической неудаче, к душевному краху, жизненному поражению, порой — к гибели. Такая же трагическая судьба уготована и Коробкину в окончательном варианте романа «Маски». Как и герои других произведений писателя (Сергей Мусатов, Петр Дарьяльский, Леонид Ледяной и т.п.), герой «Масок» совершает роковые просчеты, ошибается в своей призванности и способности спасти окружающих людей и мир в целом. «Второй том кончается рецидивом болезни профессора <...> и взрывом домика Тителевых. Б.Н. заканчивает этот том словами: “Так, все, что любило, страдало и мыслило <...> взорвано: дым в небесах!

Что осело, что — пырсню отвеялось? Кто — уцелел, кто — разорван? Читатель, — пока: — продолжение следует»²⁰.

Зато в «Пробуде» итогом блуждания Коробкина на тернистых «путях посвящения» становится не крах чаяний, а просветление героя, обретение им искомой духовной истины, преображение себя и мира светом этой истины. Среди прочих художественных текстов Белого «Пробуд» выделяется прежде всего условным «счастливым концом». Такой финал симптоматичен и важен для Белого, ибо к «тем же берегам», что и герой «Пробуда», тщетно стремился на протяжении всей жизни и сам автор.

¹ Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.> Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 637.

² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 100. Л. 136 об.

³ РГАЛИ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед.хр. 24. Цитируемый фрагмент письма К.Н.Бугаевой от 15 сентября 1928 г. приведен в кн.: *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка / Публ., вст. статья и комментарии А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 616.

⁴ *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка. С. 616.

⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 100. Л. 137.

⁶ *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом. Berkeley, 1981. С. 145.

⁷ Там же. С. 147.

⁸ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 100. Л. 146.

⁹ Там же.

¹⁰ *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом. С. 146.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 100. Л. 146.

¹² Полное название курса: «Aus der Akasha-Forschung. Das Fünfte Evangelium» [«Из исследования Акаши. Пятое Евангелие»]; был прочитан 1–3, 5, 6 октября 1913 г.

¹³ *Белый А.* Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С. 312.

¹⁴ Возможность пользоваться машинописью перевода лекций на русский язык предоставлена О.Прониной. См. также: *Штейнер Р.* Из области духовнонаучных исследований. Лекции и циклы, прочитанные в период от 1910 по 1924 год / Пер. О.Погубина. Дорнах, 1967. С. 410–470.

¹⁵ Здесь и далее выделено Белым.

¹⁶ Полный текст письма от 3 октября 1913 г. и анализ его роли в судьбе Белого см. в работе: *Спивак М.Л.* «Я отдал жизнь письмом 1913 года». Ответ Андрея Белого на «Пятое Евангелие» Рудольфа Штейнера // Литературное обозрение. 1995. № 5/6. С. 44 —53. Автограф письма хранится в Дорнахе (Швейцария) в архиве «Попечительства о наследии Р.Штейнера».

¹⁷ *Белый А.* Воспоминания о Штейнере. С. 322.

¹⁸ Там же. С. 337.

¹⁹ *Штайнер Р.* Очерк тайноведения. Ереван, 1992. С. 193.

²⁰ *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом. С. 138; *Белый А.* Москва. М., 1989. С. 754.

Андрей Белый

ПРОБУД

О поле, поле, кто тебя усеял
мертвыми костями.

А.Пушкин¹.

1.

Молкнет речь; молкнет Русь; молкнет ночь — в шелестениях поля
несжатога...

Точно последняя ставка, там поезд из морока черного —
— ясными окнами мок-
рых вагонов —

— сверкнув, —
— в черный морок ле-
тел — к Царской Ставке —

— за став-
ку: туда, где блистали, трясась световыми лучами, прожекторы, пере-
секаясь, взлетев и пав ниц, чтобы вылизать светом полосу триви-
нок: —

— рр —
— ррырр —
— рр —

— приятно порывивая, морок ухал^а: орудие
дальнее, и уже ближе, взблеснувши, рванулося все, что ни есть, мол-
ниеносно ударивши в ухо, как палкою: тяжелобойное! Перст световой
показал на поля; поле — затарарыкало, плюнув свинцом: пулеметы!

Сквозь них, как раздеры материи шелковой —

— ррр —
—бры роты

из проволочных заграждений.

---

^а «ухал» — вписано карандашом сверху вместо зачеркнутого — «рвался».

И — «бац»: отблистало; и — «бац»; все — затихло: нет роты; а в том самом месте, — те ж бры и дёры: туда пошел полк.

Из купе (первый класс) — треск отрывистых фраз:

— «Рузский!»²

— «Штюрмер!»³

— «Тох-тбх», — грохотало: и ясные окна летели из мороков.

— «Списочек?»

— «Так Вошенвайс... Неразборчиво что-то... Цецерко... Цецерко...

— «Кинталь?»⁴

— «Немцы... Тоже — профессор Бермечко».

Тох! —

— Окна вагонные,
взрезавши мрак —

— улепетывали: мост!

— «Лейпцигская ориентация: перепродажа открытия с ведома изобретателя, или... без ведома».

— «Выяснить».

— «Изобретатель — больной».

— «Если не симуляция».

— «А экспертиза?»

— «Рассказывайте: все возможно... Всего вероятней: Цецерко-Пукиерко, выкрав открытие, скрылся, когда слух в союзную прессу прошел».

«Цац-дза-зац» —

— буфера переталкивались: остановка, огни;

из них — ветер выплескивал, — песенкой:

Наш солдатик, — шагом марш!

До Карпат: от Торчина...

Шел, а рожа — скорчена.

И — опять же: «Шагом марш» —

От Карпат: до Торчина⁵.

Защищали царский трон

Мы, а наши олухи —

Раздавали в эскадрон

Вместо пушек и патрон

Палки да... подсолнухи.

Брудер, брудер, — вас ист дас?⁶

Как залопалися враз

Бомбы красным отброском:
Продавали оптом нас
Под Новó-Георгъевском⁷.

«Тох» — и —

— ясными окнами темных
и мокрых вагонов —

— сверкнув, —

— в черный морок

экспресс

несся дальше: из черного морока: —

— из Царской Ставки —

— в —

— Москву.

2.

Третий класс.

Солдатня; лом тел в стены; ни взлезешь, ни вылезешь; кто-то порты менял; тихий мужик из Смоленска сидел с перевязанною бородою и с клеткой, поставленной в ноги; достав конопляное семя, укрادкой щегла кормил с кряхтом.

— «Толичество...»

— «Что?»

— «Да калек».

— «Надо прямо сказать, что избой — мировой!»

Но — брань сдавливалась, поднимаясь от брюха поджатого йком пустым.

— «Поле упротопбили!»

Поле телом по сейчас,
Точно скатерть, стелено:
Порадела, знать, за нас
Вырубова - фрейлина⁸.

В тыле — воры; в тыле — срам;
Вороги да воргии...
Микалай Калаич⁹ нам
В рыло — крест Еоргия¹⁰...

Удирали от фронтов
Роты наши втапоры.
Барабанили про то
Рапортами прапоры.

Кант серебряный и голубые рейтузы (корнет) и высокий, худой офицер перетискивались меж шинелью из первого класса чрез третий. Глядь — под сапогами лежит голова — носом, вмятым в подошву; на носе — каблук.

— «Ездуневич, — задание ваше...»

— «Так точно!»

— «Собрать о бумагах: какие, где, сколько; составите списочек; обиняками — об э т о й Ц е ц е р к е; вы служите штабу и русской общественности...»

— «Точно так!»

— «Не жандармам».

Щелк, дзан — перетиснулись через вагон: он — взорал:

Тифами кусает вошь;
Земец рыщет по полю.
К горлу приставляет нож:
«Законстантинополю!»¹¹

От Мясницкой прямо в Яр —
Спрятаться под юбкою —
Храбро лупит земгусар¹²,
Клюнув красной клюквою.

Смолкли.

Рассвет: под бережистой речкой — костер; выше — травы ходили, гоня от фронтов свои дымы, как полк за полком, на Москву — в безысходном позорище, —

— а не в России, —

— которая

выплакала на юрах безысходное горе в бездонное поле.

3.

Москва; —

— желтизна, обожжавившая за военные годы предметы, —

— в окне,

как в налете; тела, вскрики, ящики; перли; корнет Ездуневич, сщеленный шинелями, перепирал локотню; погон розовый, ражая рожа, наверное, прапора, дергала: в пёры и в дёры:

— «Гогó!»

— «На побывку!»

Худой офицер с синевою под глазами — высматривал.

— «Штабс-капитан Сослепецкий?»

— «Так точно!»

— «Из Ставки?»

— «Так точно!»

— «Позвольте представиться: я — капитан Пшевжепанский». —

И он подал руку.

— «Вас ждет генерал-лейтенант Булдуков».

Пшевжепанский, блестя эксельбантом и цокая шпорой, вприпрыжку бежал кенгуровой походкою; красенький, с прищурком, носик и ротик, готовый всегда смехотнуть.

Сослепецкий за ним:

— «Как с поездкой Друа-Домардэна на фронт?»

— «До известий от Фоша¹³ задерживается».

И ротик, готовый всегда смехотнуть, но и скорбно зажаться, — зажался.

Друа-Домардэн, публицист из Парижа, секретно поехал через Харпанду¹⁴ — Москву в Могилев¹⁵, но телефонограммой из Ставки поставились цели: под формой свидания с деятелями Земгора продлить пребыванье в Москве Домардэна.

Не знали, какая тут партия: сам Манасевич-Мануйлов¹⁶, иль сам Милуков¹⁷.

Вышли.

Площадь — песоха; над ней — навенная, набежная пыль; выше, — тучищ растрёп в дико каменном небе.

Среди солдатни, отдававшей карболкою и формалином, которым воняли вокзалы московские, — штык: лесомыка какая-то драная чмыхала носом при нем; этим самым добром расплзлась Россия во всех направлениях: не менее, чем миллионов семнадцать такой приштыковины, съеденной вошью, полезло на все, — от Москвы, до... не знаю чего.

Положение фронта менялось: попером назад.

И отряды особые, поотловив дезертиров, тащили площадный, козявочный род; новодранцы седявые, злые, едва пузыри животов колтыхали на фронт, с сипотцой козлоглася — про грыжи, трахомы, волчанки и черные тряпочки легкого.

Прокостыляла обрублина.

Еще протез было мало; шинельный рукав вырывался, на плечи зашлепанный; а вместо глаз — стекла черные: кашлем оплевывали; видно, — прямо из газовых волн; глаз — с подъеодю.

Противогазовой маской наделась болезнь.

Сели в автомобиль.

Капитан Пшевжепанский давал объяснения:

— «Невероятный скандал: “Пет и Журналь”, напечатавший “Ну сомм кокю”^a Домардэна...»

— «Я знаю» — его перебил Сослепецкий, — «ответ на “Г е ф а н г е н е р”^b в “Ф р а н к ф у р т э р Ц а й т у н г”¹⁸...»

— «Не знаете: “П б п у л о”¹⁹, после уже, фельетонами брякнуло “Дело Мандро”, так что случай с профессором, исчезновение Мандро и Цецерки-Пукиерки — кухня того же предателя: так-то!»

— «Предатель в Париже?»

— «Предатель в Москве».

— «Как?»

— «Так».

— «Две информации?»

— «Ваша?»

— «От доктора Нордена: из Хапаранды».

— «Моя же, — “Пермит-Оффис”^c: Лондон».

Коляска: неслася испуганно — с немощным, мнимо умершим, пергаментно-желтым лицом старикашки; то — миродержавные мощи —

— сановника; —

— и унеслася в мнимый мир, где в паническом беге неслись пешеходы, и где мимоезды пролеток металась в расставленных улицах.

— «Дальше?»

— «Заметка в “Бэ-Цет”²⁰, где указано: американский шпион Дюпердри продал краденое: в Вашингтон...»

— «И?»

— «Молчание прессы, по знаку руки, — недель пять^d».

— «?»

— «Вдруг — арест Дюпердри».

— «Дуэль гадостей!»

Палочка городского взвилась: —

— а в т о , фыркнув, застопорило, —

— грузно ми-

^a Мы обмануты (Примечание Андрея Белого. Далее — прим. АБ).

^b Пленный (прим. АБ).

^c Учреждение, в котором выдавались визы в Лондоне в годы войны (прим. АБ).

^d «недель пять» вписано карандашом вместо зачеркнутого «месяц с лишним».

трополичья карета проехала; высунулся на мгновение белый клубок с бородою, седейшею, преосвященного: —

— света не взвидя,
матерый, испуганный лапотник, шапки не
сняв на распутища²¹, с матерней руганью —
— бросился прочь!

Палка городского упала: а в т о , фыркнув, ринулось:

— «Дальше?»

— «Допрос Дюпердри, в результате которого — вслед за Друа-Домардэном, — секретнейшее: Домардэна в Москве задержать».

.....
Так и ломит заборами ветер, летя на Москву; улизнул в переулок, сигать по дворам; вдруг по крыше лузнул; и, как ветром надутый картуз, переулок приплющился; ветер, махнувши Плющихой, ударился, —

— в Брянский вокзал!

И — туда же — а в т о .

Адъютант Сослепецкий был зол: с Александровского, чёрт, вокзала — на Брянский.

— «Эй, где генерал Булдуков?»

— «А вон там!»

На путях запасных, за кордоном, в парах, переблескивал поезд-игрушка, неделями пар развоя: за зеркальными стеклами щелкала белоголовая пробка; тут пил Булдуков с Бурдуруковым, при адъютанте, с певичкой, Азалией Пах, и с артисткою, Зоею Стрютю; Велес-Непещевич с портфелем при них состоял (для особенных их поручений).

Из окон маячили тени.

Под окнами штык часового острился, — не выблеском стали, а — злым остроумьем; не бил барабан ходом маршевых рот²²; прапор — рапортовал: —

— «р́аз!»
— «право!»
— «р́аз!»
— «право!» —

— Ветер выхватывал голос: едва долетало:

— «Расправа!»

— «Расправа!»

И — песня плескалася:

Эй, забрали наши лбы
Штуки петербургские, —

Посадили на бобы
Бережки мазурские²³.

Против шерсти нас не гладь:
Стали мы, как ежики:
Не позволим приставать, —
Востры наши ножики.

.....
— «Так», — процедил генерал Булдуков — «Соберите вы там...», — покряхтел он.

И — долгая пауза:

— «Ну, и...»

Тут сделавши пальцем — так, что-то — глазенками ткнулся в Велес-Непещевича.

— «Ставке ответите».

Что отвечать-то?

Велес-Непещевич весьма выразительно гымкнул.

— «Так точн... вашпревсхдство!»

Щелкнул шпорою, честь отдал: марш!

А Велес-Непещевич, который вернулся из Англии только что, взяв его под руку, с ним впечатленьем делясь, заводил его —

— взад и вперед:

— «Объясняю им в Лондоне:

— «Не принимаю: негодные шины!»

— «Нет, сёр, — вы их примете!» —

— Шлю

телеграмму: из Лондона в Питер; ответили: —

— «Наши союзники: автомобильные шины — принять».

Где-то перецепляли вагоны, куда-то катя их; от фронта румынского²⁴ неся, как вошью укушенный, поезд — с разбитыми стеклами: бром и дёром; обратно тащились вагоны, — до фронта, пути перекупорив; и по приказу начальника армии, номер такой, их валили с путей: под откос^a.

— «Приезжаю», — ораторствовал Непещевич, — «я в Питер: там — “фбны”».

Вагоны...

— «Там — “дер-ы”!»²⁵

Два тэндера²⁶...

Вдруг — мимоходом:

^a Действительный факт (прим. АБ).

— «Пан Ян вас сейчас повезет: быть свидетелем...»

— «Да пощадите: я — с фронта, еще не умывшись...»

— «Нельзя, дорогой: потерпите; «о н» — взгляд в булдуковские окна — «бояся ответственности, на меня взвалил; там у вас — Ставка; у нас — жандармерия; там — филиал Милюкова, а здесь у нас — Штурмер²⁷; вот «о н» и боится все...»

— «Наш Булдуков — бурдурукает...^a» — к ним подошел Пшев-жепанский.

Прошел паровоз: поворот колес, — красных^b.

— «Вот вас господин адъютант подвезет: поработаете».

На путях запасных стали; ясно Велес-Непещевич весьма объяснял, что —

— короткие волны — убийственны; принцип открытия — наикратчайшие волны; орудия нынешние — чепуха, коли у волновой, новой пушки отверстие менее, чем у пипеточки, а район действия... —

— «Вы понимаете сами!»

Под гулом войны мировой, — гул иной: гул подпольный.

— «Об этом — не крикнешь теперь: перекрадывать след к овладению войной — вот что нужно!»

И он — спохватился:

— «Ну, — с Богом!»

По рельсам пошли.

Та же песенка — издали:

Брудер, — канн ман? Я — манн кан!^c

Денежки — немецкие!

Разбирайте балаган

Руки молодецкие!

— «Слышите?»

— «Слышу!»

И — вышли.

— «Лихач!»

^a зачеркнуто: «в немцев».

^b В рукописи предложение вписано синим карандашом.

^c Брат, можно? Да, можно (прим. АБ).

Домик ярко-оранжевый встал; желто-серая жесткая трава; затускло едва лиловато: с востока; вот — Дорогомилловский Мост, самое новейшее ампиризм, где на серых столбах так отчетливо черный металл зашербился рельефами: шлемов, мечей и щитов²⁸.

— «Посмотрите: наш воин; когда-то парадную каску надев, при копье, при коне, на болота мазурские шел воевать с Рененкампом²⁹; смотрите, — в картузике, выданном из интендантства, в шинелишке, спертой у трупа, он — тут!»

Залынял: с табачишкой в кармане; и — с фигою; мобилизованный нюхает, что ему слопать: лопарь!³⁰

— «Лопухий!»

— «Их — столько, что кажется: фронт опустелым, что армия наша — мираж, то есть, поле пустое».

— «Сопрела в окопах».

А в поле сидели и кашу варили: волна беловатого газа бежала в овраге: недавно еще; — вздрогнул:

— «Скоро ли?»

— «Скоро».

Пан Ян Пшевжепанский, похлопывая по плечу Сослепецкого, стал занимать анекдотами:

— «Вы называйте пан Яном меня: мы — товарищами».

Сослепецкий подумал:

— «Не очень-то лестно».

Пан Ян Пшевжепанский скрипел на паркетах серебряным глянецом, являясь туда и сюда, исчезая — оттуда, отсюда: весьма своевременно; видно уже: в феврале — будет мелкими глазками мило подмигивать: «Константинополь!»³¹ Но Керенка, в марте, уже похлопочет о том, чтоб ему состоять при министре³²; в июле в Корнилове пустит он корень³³, а в августе — выдернет, чтоб закарить³⁴ с Кареевым³⁵, с левым эс-эром: ко дням Октября³⁶; коммуноид, — и в наши дни: непростит³⁷ с кем-нибудь.

Вот — горбосверт: угол белого дома открыл переулок, который ломал этот горб, точно руку, откинутую от плеча и составленную из домов, Сослепецкому очень знакомых: он — в каждом сидел почти: —

— дом Четверерова; антаблемента лупились и блекли;

подъезд — доска медная: Лев Леонидыч Лилетов; —

— карниз фриза сизосеризового, изошренно приподнятый морщью оливковых полуколонн межоконных, выглядывал из-за листы желтокарей, срезаемой —

— крышею синего домика — о трех окошках; и с карточкою:

— «Жу же ю п и н» —

— «Г о в я д и н а

Мы л о в а»: вывеска: —

— арка ворот трехэтажного дома в распуринах, с черной литою решеткою: Пёсарь, Помых, Древомазова, Франц Унзенпамп, Семимашкин, — доска с квартирантами; —

— грифельный, семиэтажный, с балконами, с башнею, в северном стиле домина стеной бил по Шлёпову, по переулку, темня — Новотернев:

то — дом «Бездибиль». —

— Дальше: Африковым и

Моморовым — прямо к бульвару, к киоску, под вывескою

«Пецен-Цвакке. Перчаточное заведение». —

вновь вздрог-

нул:

— «тррр — дррр» —

— барабан —

— роту прапор вел в

переворохи —

— «дррр» —

— переворох на дво-

рах; разворохи в квартирах; и — ворох сознаний, сметаемый в кучи, как листья бульвара, стальным дуновеньем оторванные с пригнетенных друг к другу вершин, угоняемых в площадь Сенную, — туда, где кричало огромное золото букв —

— «Елеонство!» —

— «Крахмал, свечи, мыло!» —

— в

— район переулочный, где проживает профессор Сэднамен над вывеской черной — «П.П.Уподобиев», —

— иль — Калофракин (портной, надставляющий плечи и груди); с угла — Гурчиксона аптека: шар — красный; шар — синий^а.

Вот вывеска, высверкнув, — сгасла.

И тут же мадам Тигроватко жила.

6.

Оба спрыгнули под характерною кариатидой: пан Ян кенгуровой походкой — в подъезд; Сослепецкий, пальто растопырив, из брюк вынимал кошелек, сапогом выдробатывая мелкий бисер:

— «Чёрт, — холодно!»

Тоже — в подъезд.

Дверь с доской: И а х и м Т е р п е л ь в и л ь (размножились чехи); четыре, — не три:

— «Тигроватко?»

Пан Ян подмигнул:

— «Прямо в точку: увидите».

— «Не понимаю^б», — ворчал Сослепецкий — «с вокзала... хотя бы почиститься!...»

— «Вы, адъютант, потерпите».

И — дверь распахнулась.

Передняя пестрая: желтые стены; и — крап: черный, серый, зеленый^с; зеленая мебель; портьера желтеющая с теми ж пятнами: черными, серыми, серо-зелеными; слева, в открытую дверь, — коридорик, с обоями, напоминающими цветом шкуру боа: густо-черные пятна на бронзовом, темном; туда, — как в провал, или — в обморок дико тупой, из которого могут выкидываться только выкрики дико болезненные.

Но мадам Тигроватко бросала туда: —

— Аделина! —

— Лилиша! —

— Параша! —

— Наташа! —

— И горничная

выходила на зов: Аделина — в апреле; Лилиша — июле.

— «Как вас?»

— «Лина!»

---

^а «шар — красный; шар — синий» — вписано в рукописи карандашом.

^б Зачеркнуто карандашом: «при чем я?».

^с Зачеркнуто карандашом: «и серозеленый».

Снимая пальто, Сослепецкий косился в слепой коридорный пролет, вызывающий ассоциацию: бо а констриктор.
Повеяло^а диким кошмаром, уж виданным, —

— где-то, —

— с утраченным смыслом, как с криком, которого нет, но который сейчас вот...

Вскрик:

— «Леокади!^б» —

Взрывы хохота.

— «Джулия фон Толкенталь», — подцарапнул пан Ян своей шпорой^с.

— «Мадам Толкенталь, или — только: таланты; миражи^д, корсажи; и франты, и франты!»

Глазочки — тусклые, а позумент — прояснялся; и носик морского конька, едва красненький, с присморком, кончиком дергался: (то же, — как сон).

Аделина раскрыла портьеру, и у Сослепецкого вырвался вскрик:

— «Это ж!..»

Древнее выцветом, серо-прожухлое золото: цвет — леопардовый, съеденный мертвыми пятнами, точно покрытый дымящимся еле износом, как бы вызывающим вздрог: леопард этот — умер ли?

Драпри, абажуры — под цвет леопарда, пестримого дикими пятнами, как полувскриками, тихо душимыми; фон — желто-пепельный: весь в бурых пятнах.

— «Не правда ли, — не из Моморова, Африкова переулков подъехали мы к Гурчиксона аптеке, а бросили трап с корабля: оказались под тропиками».

Не входите: здесь пятнами, в выцветах, рыскает — злой, золотой леопард^е.

Но драпри, отделявшее комнату эту от той, — разлетелось, взбрызнув малиновым, ярким гранатом из матово-черного, как цвет разрыва: дым с пламенем!

^а Зачеркнуто карандашом: «Казалось ему, что — провал; тут повеяло».

^б Зачеркнуто карандашом: «“Леокади, - только вру ли я?” — И — взрывы хохота».

^с Зачеркнуто карандашом: «подшепнув Пжевжепанский, наигрывая своей шпорою нежный “д л и н д л я н”».

^д Зачеркнуто карандашом: «фантазий миражи».

^е Зачеркнуто карандашом: «Не гостиная — джунгли малайские: здесь — не ходите: здесь пятнами, в выцвете рыскает — злой, золотой леопард».

Драпри упало; и —

— «Леокадия» —

— (и отчество же!) —

— «Леонардовна» —

— шпо-

рою звякнул пан Ян.

И —

— шуруш юбок, треск веера, блеск ожерелий, взмах перьев
над черною шапкой волос; —

— перья^a, бусы, — все черное; платье из моро-
ка^b, очень порочного, в серой^c иллюзии пятен,
подернутых розовым^d отсветом; черные икры,
боа разлетное; ботинки высокие, черные^e —

— глаз, желтый, злой, из-за синих
ресниц; переблеклая, темная кожа; на все вылезая-
щий, как попугай из-за ^бсажи взлетающий, — нос;
взмахи перьев; и вскрики — о —

— Жюле Дэстрэ, ^f / ³⁸ —

— Ван-дер-Моорене —

— друг знаменитостей

Франции, ставшая другом больших генералов, кадетов³⁹ и корреспон-

— мадам Тигроватко: в боа и в перчатках!

7.

— «Мы только что» —

— взявши их за руки с «вот, гос-
пода»^g — потащила в диванную и головою взбоднула, пером разре-
зая портьеру (взрыв — красных гранатов); не виделось^h — кто: сколь-

^a Зачеркнуто карандашом: «веер, трескучие бусы».

^b Зачеркнуто карандашом: «черного».

^c Зачеркнуто карандашом: «в пепельно-серой».

^d Зачеркнуто карандашом: «еле, как розовым».

^e Зачеркнуто карандашом: «черные тоже».

^f Министр, социал-соглашатель, друг Вандервельда (прим. АБ).

^g Зачеркнуто карандашом: «взяв за руки оторопевших военных с решитель-
ным очень — “и вот, господа”».

^h Зачеркнуто карандашом: «вставши в гостиной».

ко их: пошли в нишу; мадам Тигроватко, став в красных рефлексах, — им: с телодвиженьями^а:

— «Встретяся случайно со мной, и узнав...» — неотчетливо — «с ним познакомилась прежде... мне адресовалась...» — мадам Тигроватко, — в тик: вздрогнула — «этим письмом, в результате которого вы, адъютант Сослепецкий, — мой гость».

Пшевжепанский записывал^б.

— «То, что отсюда — ответственно^с; наше свиданье в присутствии вас, господа», — она клянула — «как представителей армии и комитета» — и — клянула^д — «есть неизбежное дело, поскольку задеты: честь родины» —

— Эй, не мешайте, читатель, —

— «и доблестных наших союзников» —

— Нет, уж, читатель, — вы — не приставайте; и коли не слышно нам с вами, так это нарочно мной сделано (я — режиссер, — знаю лучше течение драмы); давать результат прежде паузы — это ж десерт вместо супа; —

— чем я виноват, что и мне самому неизвестно ведь, кто там в тенях; а мадам Тигроватко и вылетела, и — опять появилась^е: —

— на цыпочках, с крокусом красным, стеблистым: подкрадывалась, балансируя всею, чтоб, став в портъере, расслушивать, из-за портъеры просунувши нос: вот кусочек диванной: —

---

^а Зачеркнуто карандашом: «растолковывала что-то шепотом, с телодвиженьями».

^б Зачеркнуто карандашом: «в книжечку».

^с Зачеркнуто карандашом: «То, что письмом утверждется, — очень ответственно;».

^д Зачеркнуто карандашом: «носом клянула — “Как представителей армии и комитета” — опять-таки клянула».

^е Зачеркнуто карандашом: «Перекривилась она в драматической позе, — (уф, еле довел до конца эту фразу): — — Читатель, вы мне не мешайте описывать; если не слышно нам с вами отчетливо речь Тигроватки, так это нарочно мной сделано (я режиссер, — знаю лучше течение дальнейшее драмы, которой завязка в урывках фраз: пока — достаточно: “Встретяся... с которым... в Москве” и “честь доблестных наших союзников”); а прочее — выяснится: подавать результат прежде паузы, — подать десерт вместо супа; — — к тому же: чем я виноват, что меня не пустили в диванную, что и мне самому неизвестно: кто, с кем, сколько их, потому что — сидят они в нише, в тенях, а мадам Тигроватко, оставив их, с шуршем и треском вон вылетела».

— гранаты, пестримые смурыми мушками — стены; портьеры, как гарь от ковров: желто-пепельных, бархатных, точно курящихся дымом; и — скатерть; и вазы оранжевой высверк.

— «Довольно: о н и у Сэднамена, — рядом тут», — вышла из тени, всперив на коленях свой веер:

— «Да, вспомнила: вот», — подавала (казалось, что — в мрак) свой цветок:

— «Если с да, выходите с ним: н е т, — его бросите... Сядете — тут»; — хлоп по пуфику — «тут будет видно: мы — т а м», — на гостиную ткнула...

— «Вы — т у т; — так вот все разместимся... Месье, — же ву лесс!»^a

Кок и цок: офицеры; но — мимо них — козым галопом, с подхлопом в ладоши; за Джулией.

Вывлекши пеструю Джулию, длинную дылду с пухлявым лицом, и взвертев, и встрепав ее — толк: к Сослепецкому:

— «Сами знакомьтесь... Опять позабыла: вы с фронта же... Ну? Что? Как? Дух?»

— «Худ!»

Мадам Тигроватко за это — боа: по плечу.

— «Полисон!»^b

Вдруг:

— «О, — все равно», — встрях черной шапки волос — «только б эти шинели на нас не глядели».

Встрях:

— «Мой фэйф-о-клок!⁴⁰»

И — к передней: в пролет:

— «Аделина же!...»

— «Лина же!...»

— «Чай, пети-фур⁴¹, фрукты!»

— «Что?»

Плеск и треск.

— «Вот история», — заиготал Пшевжепанский.

— «В лоб — молотом: эта действительность переросла всякий бред», — тер висок Сослепецкий, страдая мигренью (с бессонницы).

Не удивительно: два дня назад — треск разрывов, тела окровавленные; как снег на голову, поручение ставки: в Москву; ночь в ваго-

^a Господа, оставляю вас (прим. АБ).

^b Шалун (прим. АБ).

не; в итоге же — арлекинада, не то — тупой бред; что же — эта гостиная, может быть, поле сражений особых, ухлопавшая все сражения, все достижения наши.

Звонок.

8.

Ярко вспыхнув, передняя наполнилась вздохом и звуками трех голосов; вот контральто:

— «А... вла́ ... ме вуаля́...»^a —

— В тигроваткины руки — шелк черный (короткая юбка): она — мадмуазель де Лебрейль; вид — мал эз^b, но мал инь^c; вовсе белые волосы; стрижка — короткая; с мушкой, с пафосом а ля Карлейль^{d2}; настоящий гарсон^d; и — грассировала.

Баталистка-художница; вкусы — Пэгу^{d3}: с темпераментом барышня!

А запевающий, как вьолончель, баритон вязнул в звуке меменькавшем:

— «Мм... нээнн... мм... даа... мээн... Седа́амэн...» — почти что экзамен.

Читатель! Дабы избежать постоянных упреков в новаторстве, — принципам старых романов Тургенева я отдаюсь, от себя самого отступая в традицию повествования; пишут: «пока наш герой, вздернув фалду, садится, последуем мы в его детство и отрочество»; дальше — десять страниц; терпеливый герой, вздернув фалду, — присев, но не сев, — ждет, чтоб...: «Уф!» — И тогда только автор:

«Сел!»

Впрочем, герои такие, помещики, много досуга имели.

Сэднамен — экзамен; верней, — у Сэднамена.

И половине Москвы, бывшим слушателям (или — «ильницам»), ставшим известными деятелями, оставался Сэднамен экзаменом; но, — говорили еще: Се-ре-да-мен (зачет у Сэднамена по середам), прибавляя: сед-а́мен; сед-а́мини, седа-миньсти, — глагол: от сидеть.

Таков — четверть века; усы той же стрижки; пробор четверть века — прямой, — волос: черных (с проседостью, серых, уже серо-бе-

^a А вот и я (прим. АБ).

^b Расстроенный (прим. АБ).

^c Бедовый (прим. АБ).

^d Мальчишка (прим. АБ).

лых) прямых; тот же галстук; никто никогда не видал «Середамена» — в смокинге, фраке, визитке, или в пиджаке —

— в —

— сюр-ту-ке!

Вот — Сэднамен.

Труды? Нет. А лекции? Тихие. Речи? Еще того тише. Тишайше подписывал то, что уже прописалось; не лез, но — видался везде: на собраниях, на заседаниях, съездах, концертах, премьерах; и всем корифеям профессорски руку жал, т.е., — с достоинством тихим; так: выжав себе тихий вес, досидится до кресла —

— до —

— а-ка-де-ми-че-ско-го!

В растяжении слов, лекций, мысли — карьера.

Традиции — соблюдены; он — представлен, просерый и стертый, — под жухлые пятна ковров; отирая усы, он прикладывался к тигроваткиным пальчикам:

— «Дома покоя нет — от милой барыньки; мы вот сидели и пили бордо, а нас барынька на... фэйф-о-клок».

И руками развел: в пятна серые сел.

Сослепецкий, замерзнувши в правом углу, Пшевжепанский же — в левом, приструнились, за эксельбанты⁴⁴ схватясь, как держа караул в императорской ложе:

— «Э бьен...»^a —

— и цилиндром опущенным, сжатым в руке, изогнувшейся, бронзовою бородой, точно в отблесках пламени рыжего, мягко просунулся в двери Друа-Домардэн; позой сжатый, как крепким корсетом, он переступил, став в пороге, вперяся в древнее выцветом серо-прожухлое золото стен.

9.

Впечатление — первое: от головы и до пят — черный весь.

Этот цвет леопардовый, съеденный мертвым пятном и как бы вызывающий вздрог, его занял; и он озирался на все: —

— «Не входите!»

Вошел.

Впечатленье — второе: сутуло-прямой; шея — выгнута; спина — прямая:

— «Ту мэ комплиман а мадам»^b.

^a И вот (прим. АБ).

^b Приветствую мадам (прим. АБ).

Впечатление — третье: лицо, от которого только бросаются белые, пересвеженные щеки; два черных пятна, глаза скрывших: очки; борода, очень длинная (стрижена четким овалом), вся яркая, бронзовая, с розовато-красными отблесками — есть все прочее; перекисе-водородный цвет (действие перекиси на брюнетов).

— «Мадам Толкенталь».

— «Адъютант Сослепецкий...»

— «Пан Ян Пшевжепанский...»

Расклоны:

— «Э бя́н, — прэ́нэ пла́с!»^a

Несомненный акцент; он мэтек: так в Париже давно зовут грека парижского. Сел, уронив свою руку на стол, на пол ставил цилиндр с мягкой задержью, вскинув лицо и фиксируя черными стеклами; пальцами бронзовую волосинку терзал, крутя кончик, и бороду выставив перед крахмалом — с отгибом мизинца; и ломкий, и розовый ноготь отметила Джулия фон-Толкенталь.

Офицеры ж впились, разлагая вздрог пальца на атомы; «вы мученность вспоминаемой роли» —

— вот слово: —

— пересуществленный насквозь!

Как глазурь омертвевшая, отполированы щеки: он — эмалированный; он — без морщин: вековая молодость белой щеки (при почтеннейшем возрасте) в бронзе —

— усы, а не губы; —

— стекло, а не глаз!

И открыто кричащий о том, что — парик, этот самый парик с перглаженной черчью пробора и с красною искрой схватившихся вместе волос, создавая рекламу какому-то там парикмейстеру, а не челу публициста.

Треша, как гранеными бусами, с пуфа пакет Тигроватко вручила Друа-Домардэну: они — не увидятся; с фронта Друа-Домардэн, метеором мелькнув, унесется в Париж; но тогда не забудет пакет передать, — этот — Франсу — старинному другу.

С рукою — к пакету, совсем неожиданно в нос он пропел: —

— так поет фисгармониум!

— «О, мэ бя́нсю́р!»^b

^a Ну вот... Прошу есть (прим. АБ).

^b О, конечно (прим. АБ).

И шутливо пакет своей мадемуазель де-Лебрейль перебросил:

— «А во́ деуа́р!»^a

Тряся белой копною волос, пакет взвесила в воздухе:

— «О́ лала́. Мэ ля сензю́р, ублизь ву?»^b

— «Фэ рьян: мон Эйжэни Васильитш Анитшков»^c — к Сэднамену:

— «Цензором сел на границе?»⁴⁵

К мадам Толкенталь — в ухо ей:

— «Вам знакомо», — скос яхонта злого — «лицо его?»

Джулия: в ухо же:

— «Где-то видала».

Тогда Тигроватко, — без всякого повода, громко:

— «Эстетика?»⁴⁶

— «Как?»

— «Там бываете, как тогда, когда знали» — и шуры ресниц подсиненных — «там всех».

Удивленная Джулия не понимала: о чем это?

Остро фиксируя странную помесь цветов, уже созданной здесь обстановки, Друа-Домардэн, было кистью рванулся — под воздух пустой.

Вздрог: —

— упавшая в обморок кисть вяло свисла.

Сэднамен, — из пятен из серых, — впятнил в разговор:

— «Полю Буайе: я учителя Поля Буайе еще, Луи Леже^{d/47} ... мм...

мэн...»

Ждали, что скажет:

— «Знал».

И — в пятна серые.

А Пшевжепанский, склонясь к Сослепецкому:

— «Что?»

— «Вы о нем — что же знаете?»

— «Он — из Австралии, с год лишь, с прекрасною сертификацией — в Гранд-Ориан⁴⁸: по мандату из Лондона; послан — с секретными целями; от легкомысленных шуток Максима Максимовича⁴⁹, тоже гроссмейстера, он с нашим штабом списался: и — через Земгор».

^a Для вашего исполнения (прим. АБ).

^b Вот так так: а про цензуру забыли вы (прим. АБ).

^c Пустяки: мой Евгений Васильич Аничков (прим. АБ).

^d Профессора русской словесности в Париже (прим. АБ).

Наблюдали, как дергался палец — на палец, под палец, при пальце, отставленный, вставленный, — на неподвижно лежащей, как мертвой, его левой кисти; мизинец же правой, вправляющий пуговицу — на показ для других; то — десница; а шуйцей — под ска-терть, поймав на ней взгляд Сослепецкого, точно меж ними вдруг непобедимая острая очень прошлась неприязнь.

И тут подали чайные чашечки: севрский фарфор⁵⁰, леопардовых колеров, — с пепельно-серыми бледнями, с золотоватыми блеснями.

10.

Чашечку чайную, — севрский фарфор леопардовых колеров — взял двумя пальцами, чтобы разглядывать росписи: пепельно-серые, красные пятна.

— «Кэ сэ рависсан!»^a

— «Регардэ!»^b

Тигроватко предметик сняла:

— «Что, прелестная, — да?»

Бездевушка: пастушка фарфорово-розовая, с лиловато-сиреневым тоном:

— «Пастушка: Лизетта!»

— «Максятинский князь приобрел обстановку, — по случаю: рас-продает».

— «Ке ди т'эль?»^c — протянулась Лебрейль.

— «Жаль: отшиблена ручка!»

— «Была — с флажолетом; играла на нем — пасторали, над безд-ной: эль а т а н с у ф ф э р!»^d.

Пшевжепанский, застыв, как оскалась — под локтем у Джулии, пав в ноги ей, чтоб прыжком оказаться в беседе: свой вкус показать, как оценщика старых фарфоров; тут что-то случилось с Друа-Домар-дэном —

— пастушка, ни слова по-русски, —

— парик, борода, стекла черные, точно кордон, быстро выступивший, защищать стал лицо: за очки, за парик — оно село на корточки, странно взусатилось, импро-

---

^a Как это восхитительно (прим. АБ).

^b Посмотрите (прим. АБ).

^c Что она говорит (прим. АБ).

^d Она так страдала (прим. АБ).

визируя жест кандидата на красную ленточку Лежибн Д'онэр^{a/51} — с неожиданной словоохотливостью объяснял он, что —

— ехал в Москву с мадемуазель де-Лебрейль, своим секретарем, своим другом — куа?^b Тут — комедия: он, сама виза, — в Москве сел без визы; имел тэт-а-тэты^c с кадетами —

— скажем и мы,

от себя: —

— в кабинетэ сепарэ^d, где случайно сошелся с Пепеш-Довлиашем, московским масоном, «французом» по стилю, кадэ (психиатр)⁵²; кабинетэ сепарэ, потому что — с запретною водкой⁵³, с кавьяр молосоль^e (это — выучил) и под напевы гнусавенькой Тонкинуаз^{f/54} (запевал Николай Николаич Пепеш-Довлиаш).

О, дорожная скука: фи донк^g, — ожидать глупой визы!

Москва — только станция!

Так с разговора о качествах севрских фарфоров сломавшихся (о, пасторали над бездной), — к задачам войны! Пальцы правой руки перекручивали бороды кончик бронзовый.

Гекнуло тут: громкий гек, точно в уши влепляемый, но обращаемый к Джулии:

— «Ля бэт юмэн!»^h

— «Друа д'онэр: друа де л'ом!»ⁱ — пояснял Домардэн.

— «Друа де мёр!»^j — геком, в уши влепляемым, в ухо вlepил Пшевжепанский.

— «Бьян дй, мэ мордэн!»^k — повернулся с кривою усмешкой к нему Домардэн, будто с вызовом; и —

— дrr-дrr

— дrrrrr —

— выработывали

^a Орден Почетного Легиона (прим. АБ).

^b Что? (прим. АБ).

^c Свидания с глазу на глаз (прим. АБ).

^d В отдельных кабинетах (прим. АБ).

^e С малосолевой икрой (прим. АБ).

^f Французская шансонетная песенка (прим. АБ).

^g Фу (прим. АБ).

^h Человек — зверь (прим. АБ).

ⁱ Права чести, права человека (прим. АБ).

^j Права смерти (прим. АБ).

^k Хорошо сказано, но остро (прим. АБ).

залетавшие пальцы, вцепляясь ногтями в пятнастую скатерть.

Мадам Тигроватко ушла, влокотясь, в подушечки, в тускло оранжевые; на мизинец изогнутый нос положила; играла икрастой ногою на свесе; стенала отверстием носа:

— «Хн... Хáйн!»^a

11.

Мадемуазель де-Лебрейль, чтобы это прервать, стала взавертъ, бросая блеснь черно-чешуйчатой талии нервно; портьеру рукой подняла: и — лорнировала, восхищаясь: гранаты, пестримые смурыми мушками, стены диванной; и шторы — коричнево-черную гарь, из ковров желто-пепельных, точно курящихся дымом, и скатерть, и вазы оранжевой выблиски:

— «Влá, — с'э ля флам! Ву з'áвэ з'энсадьэ вотр мёбль пар се рúж!» — (вот так пламя: вы мебель свою подожгли; я — ослепла).

Друа-Домардэн даже голову вытянул прямо туда, где —

— два кресла гранатовых, как огонь, потухающий в карюю гарь чуть теплящийся угольями; бледно-зелено-желтые тускли, пятнимые еле: в гранатовом кресле орнамент теней, иль...—

— сидит манекен? И перо утонченное, выкинутое, как удочка, над красным креслом: конечно мадам Тигроватко - художница? —

— Черный черчь тени из кресла — встал вдруг, а перо под драпри полыхнулось отчетливо! —

— И —

— у

Друа-Домардэна углами не вниз, а — наверх брови сдвинулись в пантомимическом жесте, напоминающем руки, соединенные ладонями вверх.

Точно пением «Mise rege»^{b/55} пропел этот лоб: —

— а в ответ — тихий, тонкий, как арфы золовой —

— «Ах!»

Вскрик Лебрейль, отскочившей с порога — с лорнеткою черной.

— «Мэ дйт, — к'эксэ. Юн фамм нуár?» (Но позвольте: что ж это? Там — черная женщина?)

Из-за портьеры, ее подобравши, от г у д а, чернейшею кожею стянутой, кистью, сжимающей крокуса красный цветок, — тонко-черная веточка: ручка!

^a Непереводимый французский возглас (прим. АБ).

^b Религиозный служебный мотив католической музыки (прим. АБ).

Явление красного знака произошло, как вздрогом в военных: пан Ян, приседая, как будто собравшись прыгнуть — с окрысом, став красным, и ртом, и зубами, сквозь воздух впивался в Друа-Домардэна; став синим, как труп, Сослепецкий встал; и — тотчас сел.

А мадам Тигроватко:

— «Сэ рьян: пóвр фамм; эль а тán суффер!» (Нет, пустяки: о, бедняжка, — так много страдала).

По-русски:

— «Она добивается визы во Францию».

Тут же в диванную:

— «Мадам Тителева?»

12.

И оттуда, где ручка качала цветок, — закивало перо; и явились поля черной шляпы: под ними лица — пятно яерное (все завуалено); рот обнаженный и красный, а губы разъехались на меловом подбородочке с пренеприятной гримаскою, с тоненьким —

— «Ну?»

Тут Друа-Домардэн, позабывши про пальцы — с отчаяньем ставки последней до... до... до того, что —

— с положенной позы рука как сорвется — к губам: дергать, мазаться пальцем о палец: —

— а задержь вдогонку, —

— кисть

сжатая — под подбородок, на цепь: и — упала.

Все — миг!

— «Юн приэр!»^a — обратилась к нему Тигроватко.

— «А во сэрвіс!»^b — слишком уж громко: взволнованно громко.

Мадам Тигроватко ему объясняла: содействие; визу он может достать.

А — головка в портъере ждала: можно было подумать, что дамочка, тут же присев за портъерой, прилипнув к стене, точно кобра, к стволу баобаба, — нацелившись на леопарда, готова — зигзагом: слететь с баобаба.

— «Простите, мадам: я забыла о вас; вы зайдете узнать о решении вашего дела...^c»

---

^a Просьба (прим. АБ).

^b К вашим услугам (прим. АБ).

^c Зачеркнуто: « — Ну в пятницу, скажем» (прим. АБ).

— «Та-тápp-тápp!» —

— бил дробь Домардэн^а.

К удивлению Сэднамена, рот разевавшего, черная дамочка, змейка, протянутая плоско-черным листом, как у кобры, конечности верхней, а не плоско-черными, вытянутыми полями увенчанной черным пером черной шляпы, — не вышла, а вылизнула перед ними: перчатки — до локтя; осиная талия; вовсе безгрудая, вовсе безбокая, — черная вся; потекла, их минуя, на шлейфе (а не на ногах), как змея, на змеящемся кончике хвостика.

Всех поразил под густою вуалью ее подбородочек; бледный, как мел, — он — с улыбкой безглазой и злой: ртом глядел, как кусая; перо, утонченно протянутое, точно удочка, выкинутая на бурые пятна, — чуть дергалось.

Вылизнула из гостинной.

Молчали.

Один Сослепецкий — в переднюю: к ней!

Ну?

А?

Друа-Домардэн?

Вновь построилась корреспонденция носа со щечною впадиной, координируясь с головой: корпус — строился; задержка — окрепла; стиль позы, которою он интонировал, — точно молоссы тяжелые, молотом выбитые: три ударных: —

— дápp! —

— дápp! —

— дápp! —

— Вот,

что есть молосс!⁵⁶

Греки древние с ним шли: на бой.

13.

Сослепецкий, настигнув в передней, увлек в боковой коридорик ее: серебро эксельбантов, серебряный сверк эполетов, царпанье шпор Сослепецкого, зыби материи шелковой; и — как барахтанье в шероховатых, ковровых, коричнево-красных коврах, заглушающих шаг: —

— в той дыре, куда мороком вляпались пестрые пятна на бронзовом фоне, как шкура боа.

---

^а Зачеркнуто: «— дробь пальцев и — только. К радости Джулии фон Толкенталь (не корми ее хлебом, — экзотикой)».

Снова вырыв из мрака: тень черной змеи; и — в переднюю снова, чтоб Сослепецкий — за нею.

— «Я — не отпущу вас!»

С ее сизо-синей мантильей в руках, точно вырванной для подавляющей, но не подаваемой, — отнятой, — став серо-синим, ее умолял:

— «Вы — мне скажите...»

— «Вы... вы?»

Улыбочка.

— «Невероятно!»

Пера пируэт.

Пятно черное.

— «Смею уверить», — отдернул мантилью — «что мы не жан-дармы...»

Пятно, — не лицо.

— «Политическая группировка и благонадежность, которая интересуется полицию, нас не касается; можете нам доверяться; инкогнито, смею уверить вас честью военных, работающих с демократией, на оборону страны от шантажа и от шпионажа, — инкогнито ваше и лиц, с вами связанных, я сохраняю».

Легкий шепот рта: в синее ухо; вскрик, тупо давимый, под горлом.

— «Да, да же!»

Юрк в дверь.

.....
Сослепецкий вернулся в гостиную, где Домардэн им рассказывал —

— осведомлялся, меж прочим, об адресе дамочки: долго записывал: «Тй...тэлэф?... О сэ нон рюсс!»^а

— вернулся к Парижу опять: жест — интонационен, ритмичен (по Брамсу, а не по Бетховену), чуть патетичен, чуть поднят на чаше весов; на другой — гиря тяжкая: задержка —

— о, да... —

— равновесия!

Так и казалось, — нарушится: силищи неимоверные, противоборствуя, грохнут разрывом —

— рарррр́ах! —

— Где Друа-Домардэн? —

^а О, русские имена! (прим. АБ).

— Ключки
фрака дымящегося, горло, вырванное из всплывшей сорочки, вонь
перепаленных волос. Удивительное равновесие!

Джулия — слушала; а мадемуазель де-Лебрейль, — ликовала всей
позою:

— «Мой-то, — каков?»

Только выюрк конца бороды, вверх и наискось, к двери, да талия,
взаверт поставленная, — тоже к двери, — на миг, на один, будто вы-
дали тайну: прыжком леопардовым —

— в дверь!

С Сослепецким скрестился он взглядами.

14.

Туч оплывы — свечные, серые — в голубоватом нахмуре;
туда — сукодрал, листочес, перевертнем уносится, из-за заборика
взвевяши пыль.

Надломилась известка, а где — села наискось крыша; и ломаной
жестью и дребезгом скляшек осыпалось место, где строился дом;
поднялась — только грязь, а все прочее — снизилось.

Вовсе иной — рой прохожих: —

— прошел котелок: во всем черном и с зон-
тиком; глаз простеклянил пенсне; он — про-
шел; за ним —

— баба с иссушливым, серым лицом и с ис-
косыми глазками; черный платок; расшив-
ная сорочка (пунцовая масть); ноги — босы;
походка — с надверткой; за ней —

— черный, полудырявый картуз: с расшат-
ною рукой; шаг — с помахом; суконочка и
полотерная щетка — под мышкой; лицо —
узкоглазое; остановился: бумажку скрутил,
в ней тютюн закатав:

— «Ух!»

Ему:

— «Ты — не ухай, а — пушкой бухай!»

Слизнул, закурил и пошел; ничего не отве-
тишь ведь; —

— новый прохожий бежал: —

— пальцецо

разлетное плескалось полбю; и вмятая шапка; плескалась полями; по-
тели очки; борзо несся — подъерзом: под выезд пролеток и под мимом-

езды трамвая; плечо — с тóрчем; ношенный морщ на лице; раскло-
ченный лет бородепочки —

— в ветер; —

— и по виду

педант протестующий, даже немного архаровец.

Впрочем — добряш!

Зацеплялся зонтом, как репейник колючий, некстати кусавший за
руку прохожего; чудаковато, не больно; обертывались, провожая гла-
зами его; ничего, так себе, — гоголек: лекаришко уездный, мухрысча-
тый^а.

Брат, Никанор, шагал к брату, Ивану, — в лечебницу.

Не до него вовсе.

Лица прохожих менялись: на лицах — тревога и белый испуг;
переулочный, булочный люд пристороживался; и на слухи вытягивал
ухи: не глаз; вместо глаз — серь, крившая рот разодранством платка;
не глаза: только дырочки, штыком пропоротые; подвыглядывали
неприятно — на булку, на прапора с клюквой, который — не прапор:
Топондин, артист-анархист!

Почтальон:

— «Тут у вас...»

А ему:

— «Ты скажи-ка, — Россию на сруб?»

Почтальон — в письмо нос:

— «Тут у вас проживает Захарий Бодатум?»

— «Нет, ты нам скажи-ка: на сруб?»

— «На обмен: расторгнемся».

— «Нечего даже продать».

Почтальон, не стерпев, шваркнул сумкою:

— «Душу свою продавайте, шпионы ерманские: души еще поку-
пают».

И — шмыг под воротами: два офицера.

.....
Пан Ян провожал Сослепецкого^б:

— «Вот^с для чего мы вас выписали».

---

^а Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст:
«какой-нибудь там лекаришко уездный, в столицу приехавший — так, ничего
себе, впрочем. Бежал гогольком».

^б Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст:
«(адрес — кварт. Мясницкая)».

^с Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст: «Вы
вспомните вчерашнее. Вот...».

— «Ставка знает?»

— «Не все: столкновение фактов невыверенных — налицо; выверяете — вы; вы и следователь, и... свершитель; задание может стать миссией; это — от вас^a: не от нас с Булдуковым, который — себя отстраняет...^b Старик заливаётся, попросту, с горя, винцом... — На себя одного полагайтесь».

А Сослепецкий поморщился:

— «Слово я дал сохранить ей инкогнито; а — между тем: среди лиц, под защиту инкогнито вставших, — фамилия: в списке, который везу^c; коли так, то и разоблачающие Домардэна, — разоблачены; может, с их стороны нападение есть контратака: защита себя...^d»

— «Э то — прежде».

— «А то?»

— «То — потом»^e.

Высверк вывесок; искорки первые; льет молоко дымовая труба; слышно: издали плачет трамвай каре-красными рельсами; ясность — предельная; даль — беспредельна; и —

— шаг —

— шапка польская:

конфедератка⁵⁷; рот — стиснут (его — не растиснешь до срока); и с ним: —

— раздерганец

прошел с реготаньем; — пола — с бахромой; лицо — желтое, точно имбирь; голь — коричневая; в кулачине излапана шапка; и —

— барышня,

в бриллиантовой юбке: в шапчонке, в пальтишке; и с книжкой под мышкой.

И — песенка:^f с места лысастого:

---

^a Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст: «Это зависит от вас».

^b Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст: «боится решительных действий»

^c Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст: «... который везу».

^d Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст: «Вместе с тем, ей дал слово».

^e Зачеркнуто теми же чернилами, которыми написан и основной текст: «И — прошли».

^f Зачеркнуто чернилами: «издали».

Как вороны, проюркнув,
Злые черногоренки⁵⁸
С Гришкой тащутся — сам-друг
К Николаю в горенки.

Как пустился наш ирóй
В игры царскосельские:
Как задергали у рóй
Меллер-Закомельские⁵⁹.

Петербурженская знать
Рожу кисло скалила:
Муха Гессенская⁶⁰, знать,
Ее в нос ужалила.

Ныне ж — крепнет против нас
Из-за Протопопова⁶¹,
Задом став в иконостас
Силища распопова⁶².

Поднималась безглавая смута — ^a

— от очереди черным черным
чертом растущих хвостов.

— «Рот-от — не огород; не затворишь; сорока — вороне; та — курице; курица — улице; и ни занять, ни унять, когда баба забрешет; тогда и ворота залают, брат, — из-под собаки про то, что из уха рождаются яйца».

Бабы чрез улицу слухи ухватами передавали; как ржа ест железо, Россию ел слух:

— «Нет России».

.....

Трарр —

раррр —

— барабан бил враздроб переграмами; прапор провел в переулок отряд пехотинцев: —

— раз! —

— Здррав! —

— рррав! —

— ррррв! —

— рррр!

---

^a Зачеркнуто чернилами: «подвалом: по кухням, дворам, по черным ходам, доползая до помещенья барского».

Никанор же Иваныч Коробкин сидел в неудобной передней, покуривая; рассуждал он о брате, —

— о брате, Иване, —

— с сест-

рой (белый фартучек; и нарукавнички — точно такие).

Его пиджачок — коротенок: с протерами, — серенький, реденький, рябенький; подзацепился и фалдою взвесился; штаники — взморщ под колено, с коленной заплатой: сам штопал; серявый, дырявый — носок на ноге; лучше даже заметить — на щепке, нехстати весьма замурованной в каменном ботике, — не в башмачище; пролысый, проседый, ерошил бородку: ёрш, ёжик, — колючий, очкастый и вскидчивый.

Наискось виделась комната: склянки, пробирки, пипетки, анализы, записи; кто-то, весь белый, над банкою с «acidum»⁶³; даже — «велена»⁶⁴ из шкапчиков: надписи.

У Никанора Иваныча мысль, как морской конек, — ёрзала:

— «Ясно: по-моему — так, что — и брать!»

И вскочивши, одною рукой пред сестрой неприлично подтяжку подтягивал он, пролетев мимо пепельницы, мимо двух тяжких кресел в прощелочек, не зацепившись никак, — к подоконнику: в чахлую пальму окурочек воткнуть.

— «Вот!... »

— «Вот!... »

— «Пепельница!»

Умоляла сестра.

— «Не трудитесь, — так что!»

— «Я — и так».

И воткнувши окурочек, поправив подтяжку, опять между кресел двух, не зацепившись и выерзнув ловко, вьюркнул прямо в стул: заломаться ногами и ими сучить.

— «Брат, брат, брать!» — рассуждал сам с собой.

— «Но — домой ли? Домой, — обстановка такая, что... яд для больного...»

Вскочив, вставши взавертъ, ногами восьмерку легчайшую вывинтил в комнате, выпятил левую сторону груди и правой рукою захвативши за спину: с видом протеста.

Вдруг ногу поставил на стул: сапожищем нечищенным:

— «Впрочем^а, — вы знаете сами, что неприятязателен — брат: брат Иван. Мы, Коробкины, так сказать, без предрассудков... Что в сущности нужно ему?»

^а Зачеркнуто чернилами: « — Глядя в корне, — что нужно ему? Впрочем...».

Тут взбрыкнул, ногу снявши со стула, и дико метаясь, — пошел писать диагоналями: все, де, полны предрассудками — только не мы, не Коробкины: не брат Иван!

Сел:

— «Что нужно ему? Нужна — комната, я нужен: с комнатой, — что? Да какая-нибудь обстановка; уход нужен; нужна сестра. — Что, что, что?»

— «Согласились бы вы?»

Тут привздернувши ногу на ногу и ногу рукой обхватив, балансировал стулом, поставленным на две лишь ножки, весьма ужасая сестру, что со стулом — расхлопнется — на пол; раскачивался на сиденьи, как... как... на трапедии.

— «Сколько вы здесь получаете? Урегулировать этот пункт можно».

И вдруг улыбнулся, на стул сел верхом, снял очки, чтоб очковую спицею в ухе копать; казался усталым и вдруг без очков постаревшим архаровцем; вид протестующий, стало быть, — только в очках?

Скоро влез кое-как в пальтецо; и понесся стремительно планиметрическими коридорами, садом^a и улицей; неся в протест, как в родную стихию: морского конька; как и эта рыбешка колючая, грацию он развивал в пируэтах, некстати хватая прохожих крюкастою ручкою зонтика, а пальтецо разлетное плескалось полою; и вмята шапка плескалась полями; весьма поражал расклокоченный лет бороденочки —
— в ветер! — Обертывались, провожая глазами его; ничего, — гоголек, лекаришко уездный: черт с ним!^b

16.

Гурчиксона аптека — где сверт перед площадью, сеном соримой; грек Каки года продавал деревянное масло и грецкие губки; ходили с ним резаться в шашки: Анастасиади и Мавриakis.

Лет уж двадцать гласит —

— «Елеонство», —

— почтенная вывеска с места того: мыло, свечи, лампадное масло, горчица, крахмал; и само Елеонство, иль «С а м» — за прилавком: пьет чай с постным сахаром; толстый живот, пролысь, седость, достоинство; мажет сапог русским

^a Зачеркнуто чернилами: «садом больничным».

^b «Черт с ним!» вписано вместо зачеркнутого: «Пускай себе он!».

маслом^а; он дочь выдает, и Корней Камилавкин, купец, — сватов шлет; а сынок тысяч семьдесят за Христомучиной взял.

Елеонство политикой интересуется: под монархическим адресом вместе с купцами соседнего ряда Дреолиным, Брисовым, Катенькиным, Желтоквасовым он подписался; сынка — в октябристы⁶⁵ записывает.

Дальше — свертом — расперстый заборик: с подпором; крылечко — с пошатом, в репьях, выходящее в дворик, где бревна, раскольчатые, крепко рублены: в угол и в лапу; плеснеет фундамент; с протрухой стена, где — протек на оранжевой, красно-кофейной, как кружева, сржавленной крыше; рудеет под нею земля; и — веревка: на ней — платье репсовое.

Дальше — желтый забор, повторявший себя тем же желтым столбом (через десять жердей), с начертанием явственным, углем прописанным: «Г о л у б о г л а з о в а Л и д и я — н е Л и с т о л а п о в а , Л и д а »; и видно: уже доцветали подсолнухи желтые там с георгиною синию; кладка березовых и бело-розовых, еще не сложенных дров, где молочного цвета коза забодалась с щенятами и где свинья походила на муху. Колодезек, но без воды, ехал набок года, принижаясь вышкою, как часовой, задремавший с ружьем и обнюханный кошкою.

Из-за заборика, междудомового, приподымалась порой голова, чтобы бросить: в пространство соседского домика:

— «Я те кулак-то приляпаю к морде; дугой согну спину; заставлю копать носом хрен; да еще — пришью к пятке нос; да еще — взбочь: вперевёрт, коловертом!»

И — пряталась.

И — наступало молчание.

И — голова, уж другая, в ответ подымалась:

— «Пой, пустослов, — пой; кусаются и комары: до поры... Сам бью больно!»

И — пряталась.

А чтобы драка, — какая же: мирные люди; сапожник да... форточник; первый — ругал; второй — только отругивался; выходило же — здорово!

.....
Фортка из дома, к забору стоящего^б задом, — на двор глядит; с крыши к ней сход; к крыше — ход пю забору, а ход на забор — сва-

^а Зачеркнуто: «русским маслом сливочным».

^б Вместо «стоящего» зачеркнуто: «припертого».

лень дров; дряни всякие форточник тибрил; и фортка игривые мысли внушала ему; тибрить доброму форточнику при районе прописки — нельзя; он в районе — родной, свой; тут тибрит захожий, а свой его схватывает.

Случай вышел: ночь — лунная; мучили зубы: ходить далеко; фортка — рядом: от дров по забору: до крыши; там — не зажигали огней: кладовая для всякого хлама, — лафа; многоценные вещи — грабителя дело, где ломки да фомки⁶⁶: до ножика; он же — чувствительный форточник; ножик внушал ему ужас.

Ну — словом: он — вылез, пролез, перелез по железу; и вынюхал: всякие дряни в сорах.

Вдруг — треск: в дверь; срам — в исподней сорочке какая-то крадется в комнату; он же под — фортку; и к ней прицепясь, — подвыглядывает: что же? Барышня, соры из склянки полив, спичкой — чирк; человек на такие дела не способный, он чуть было:

— «Эй, караул, — поджигательница!»

Да по желобу — в садик чужой: прыг, под куст; дым — из фортки; из окон — светá, голоса; а назад — не улезешь: народ; он и — шмыг: по чужому двору, в Табачихинский; дом же заметил: дом шесть; прямо за угол; и — в Гнилозубов Второй: в палестины родные вернулся, трясясь: поджигательница; и весьма не мешает в участок сходить, где он числится добропорядочным форточником, с явным правом прохода сквозь фортки в районе: от Крымского моста.

А как донести, коли пристав:

— «Такой-сякой: значит под форткой сидел ты в районе моем? У кондитера, у Нафталинника лазай. Но чтоб у меня!...»

И — утих: но ходил в Табачихинский справиться у Уховухова, дворника: что; и — какие-такие... Сама (сам — сидит), шурин, барышни (комнату сняли); ученый, мудреный народ.

— «Поджигательницы!»

А сама не ходила в участок: так, — случаем-случай.

.....
От дворника, — встань на дрова: виден садик, террасочка, форточка — из домового, из зада; видна мостовая с напротив домком, из которого скоро два года назад к Селисвицыну в угол внедрил известнейший всем карлик Яша, рехнувшись; два года с рукою стоит на Сенной.

Вечерами — пел песни: немецкие; за эти песни народ убивал, а с блажного не спрашивали; передразниватель, Фрол Муршилов, смешил, эти песни на свой лад разыгрывая.

Фортки — настезь, бывало:

In Sünde und in den
Genuss gehn wir ab
Zum sinken, zum finden
Den traurigen Grab^a.

Фрол Муршилов — под фортку:

Изюму да синьки
За узенький драп —
У Зинки, уфимки,
Татарченко: грабь!

— «Жарь, Муршилов».

И вдруг: ни с того, ни с сего преспокойным манером карлишку забрали на днях; а за что, — неизвестно.

Второй Гнилозубов: тут сверт в Табачихинский, где — номер шесть: тот кирпичнокоричневый дом с трехкоконной надстройкою, с фризом, с крылечком, откуда выкидывался плечекосенький и черношляпый профессор два года назад; тут недавно пролетка подъехала; выскочили — офицеры; один с голубою рейтузою при сапоге чернолаковым: шпора, знать — конница; с красною клюквой⁶⁷ при сабле — другой: рожа ражая; розовый яркий погон; видно — с фронта, домой, на побывку: приятели.

Помнили смутно: профессор был бит сумасшедшим два года назад: сумасшедшим, который музей поджигал (так рассказывали); и тогда же свезли в сумасшедший дом: битого, сама — жила; проходила под окнами: серое кружево на серо-перлевом; синяя шляпа, обвязанная серой шалью; зонт — серо-сиреневый, сак; и брусничного цвета сердечко пылавшее изображали поджатые губы.

Старик к ней таскался.

Профессоров брат из Ташкента приехал; прописан в участке; такой обормот: глядеть не на что; пялили глаза на проезды купца Правдобрадина, Павла Парфеныча; штука: под видом консервов заваливает астраханскими перцами он интендантство; такой, что — напакостит в банку; из банки, ему же, — процент:

— «Павла правда: украл у Петра осетра!»

Вот и бегали — на правдобрадино брюхо: так дуется клещ; кони — бледно-железистые, с бледно-медным отливом; раздутые ноздри и ланьи глаза.

---

^a В гресе и в наслаждении мы кончаемся, чтоб найти печальную гробницу (прим. АБ).

Интересом своим переулочник жил, став спиной к допотопному дому, к которому раз проявил интерес: хоронили профессора дочку, Надежду Ивановну, — от скоротечной чахотки. Во всяком семействе свое.

А в окопах то?

То-то!

Мамаша, поплакавши, трава р надела; и только студент, Плечепяткин, заметил:

— «Sic transit»⁶⁸.

— «Сиг», — кекнул Муршилов — «транзйт? Это — дудки: транзйтных сигов не получишь».

Все, что ни услышит, — представит: весьма!

17.

Анна Бабова дверь отворила корнету, его пропустив в лектевой коридор, дрябневший заплатою:

— «А?»

— «Ездуневич!»

— «Гб!»

— «Ты, брат?»

— «Чёрт!»

— «Я, брат!»

— «Гогб!»

— «Брт... Чрт!».

Чертыхал в верблюжьего цвета исподних штанах, подмышку подтянутых (видно, изделия из Офицерского общества что на Воздвиженке⁶⁹), Митя, профессоров сын, — здоровяк: рожа ражая; дернул рукой на верблюжьего цвета штаны свои:

— «Так вот на фронте мы!»

И — за сапог.

На побывку вернулся с корнетом, с приятелем: «й гогогб, Ездуневич» да «й гогогб, Ездуневич»; и пахнул весьма: сапогом, табаком; неуверенно громким баском еготал о проливах, о чести военной; совсем трубадур: из корнет-а-пистона, который с собою возил, вечерами выстреливал — режущим скрежетом; а Ездуневич пощелкивал шпорою:

— «Патриотизмы, рромантика!.. Армия наша сопрела в окопах... Все — полечка: с фронта».

— «Гогб».

— «Иггб».

— «Рррв... ррра... ррравый» — в окне раздавалась какая-то рваная часть неохотой шагать двумястами тяжелых весьма сапогов.

Ездуневич пришпоривал шутками; стихи писал (потихонечку) вроде подобных:

Невинно розов и влюблен
Над мраморною лестницей
Отщелкает мазурку он
С веселою прелестницей.

Здесь поселившись, пришпорил за Ксаной Босулей, курсисткой, подругою Нади, которая после кончины последней, сняла ее комнату вместе с подругой, поэткой-заумницей, Застрой-Копыто; и можно сказать, что профессорша с Анною Бабовой, толстой прислужгой, укупорились — кое-как; Митя с другом — сам-друг; с Никанором Ивановичем заночевывал дряхлый Никита Васильич порою.

Хотя б один Митя: походкой урывистой все-то бродил, затолкав их; он производил такой грохот, как будто четыре копыта тут били; передние — в пол; два задних — о стены; и все от него: в нос несло табачищами; в глаз лез погон; в ухо била армейщина.

Перерапортовался: разврался — о полечке с фронта, с которой он будто бы...

— «Чрт!»
— «Брт!»
— «Гогб!»
— «Игогб!»

И выстреливал режущим скрежетом он в потолок из корнет-а-пис-тона.

18.

— «Куда его брать», — мотивировала Василиса Сергевна свое нежелание брать из лечебницы мужа больного.

Во-первых, Никита Васильич ходил (после смерти жены); во-вторых, в третьих, — так далее: много причин!

Статуэтки, все те же, стояли; квартира слиняла: и шторы — в разрывах, и стол стал трехногим; лягушечьим цветом, с прокрапом, в гостинной обои оклеили; точно лепной истукан из-за кресла с улыбкой добра и немыслящим оком Никита Васильевич наш столбенел, — академик известнейший, в сереньком; с уса калашная крошка повесилась; к дому привадился, в детство вдав: как годовалый, а — «памятник».

«Памятник» — слюни пускал.

Бюст же Лейбница — вынесли⁷⁰, чтоб не теснил.

Василиса Сергевна косицу увертывала (это — лысинка):

— «Ему спокойнее там», — убеждала она Никанора Иваныча.

Тот, как пуговицей, тарахал: враздроб.

— «Так чч-тб?»

«Че» — он подчеркивал.

— «Он с Серафимой своей, как за пазухой, — там».

Никанор же Иваныч, вильнув пиджаченочком, как сиганет из угла:

— «А по-моему — брать: эдак-так... Да и Тителев — тоже».

— «Все Тителев ваш!» — Василиса Сергевна, скучающе забормотав голубыми губами, шла к зеркалу: ей не носить ли шиньон? Там увидев брусничного цвета помаду губную, помадой помазала губы.

И стали брусничного цвета оне.

Несмотря на ее несомненную серость и скорбность, — какой-то излом: приподтянутость в выпрь (не то — очень пустых аллегорий, не то — скорпионова хвостика) над головою своею: ужалить. Кого же? Себя самоё? Или — ближнего? Ближний — не жалился; все осталось в выпрях прискорбия.

Нет: неприятною дамою стала она.

Задопатов, и тот лишь прикрывал; если ходил, — то не к ней: к дому, пожалуй, еще к Никанору Иванычу (ходить не к кому стало); и он Василису Сергеевну чуть-чуть иронически звал «Василисой Прекрасной»; его ревновала:

— «Стараетесь вы обожательниц выфинтить!»

— «Что вы, ма шер: мне ли в годы мои заниматься любовными шашнями?»

Тут обижалась:

— «Хвостом не виляйте!»

В последнее время, когда выздоравливал явно профессор больной, поднимались всклоки отчаянные с Никанором Ивановичем, все настаивавшем:

— «Дело в том, что в лечебнице свален он — так что — бумагой, заброшенной в складе».

— «Скажу — а пропо⁷¹: ну так что ж?»

Задопатов, — и тот стал прикряхтывать.

— «То-с, что — сгорит он: бумаги, — сгорели же?»

В прошлом году выносили бумагу: свалили наверх; они вспыхнули, сами собою, — недавно: пожар потушили; бумаги сгорели.

— «Поджог!»

— «А кому есть охота палить, а н т р н у с у а д и ^а, эту пыль».

— «А вы с Тителевым, так что, — поговорите».

---

⁷¹ Между нами сказать (прим. АБ).

Пошел писать: диагоналями (знаки протеста).

— «Вот Тителев...»

Тителев этот, вынырнув в разговор, пестрил речь Никанора Ивановича, который куда-то все бегал; и после являлся довольный.

— «А я был у Тителева...»

Василиса Сергеевна думала: «Тителев» выдуман им в знак протеста, как фразы, которыми больно кололся он: —

— «Лоб иметь

— еще не значит быть умным...»

— «Научный

кирпич написать, или сделать из
глины его, — большой разницы нет...»

Говорил это будто бы Тителев (для допекания выдуман).

— «Раз бы пришел этот Тителев к вам; а то — “Тителев”, “Тителев”; что-то не видно его».

— «А зачем ему праздно таскаться сюда?»

И тут «б р а т Н и к а н о р», точно он балерина в юбочке, хлестнувши в нос, точно юбочкою, фалдой, понесся по комнате, напоминая морского конька, отдающегося резвым играм в родимой стихии своей.

— «И идите к нему: и живите с ним».

— «Вот и прекрасно: к нему перееду».

Тут пальцем мотая пенснэ, Задопятов восстал, захромавши, из кресла (он ногу свою отсидел, обслонявил свой палец, листая какую-то книгу^а).

— «Довольно, друзья», — и хромал от залистанной книги к еще недолистанной по направлению к профессорскому кабинету: те же коричнево-желтые книги пылились; с поверхности старых убранств кто-то налицемерил жильё: не профессора; пепельница содержала окурки; за шкафом — пятно буро-черное: видно, что терли, скоблили; и нет: не затерли...

Что?

Кровь.

Тот же кожаный, старый шлепок на углу подоконника: им бил по мухе профессор...

Мух — нет.

---

^а Зачеркнуто чернилами: «за листаньем разных картинок».

О подробностях случая с братом Иваном узнав только месяцев во- семь назад, резанул Никанор:

— «Так...»

— «Чч-то?»

Тут же подставил лопатки известию и, из лица сделав морщ, ми- нут пять эдак трясся.

Себя в руки взял:

— «Ну те?»

Дернул в Москву!

Был во многом, как брат, брат Иван; только: вместо мохров — почти гладь: верно годы да горе лысят человека.

Он был леворуким; и был левобоким; все левое вылезло: клетка грудная, плечо; и — вломилось все правое; шея не вшлепнута, как у Ивана, у брата; и — остов; на широко-костистом лице, под огромней- шим лбиною, — пуговка: носик.

А в прочем — как брат, брат Иван.

Те же фыки и брыки, но едче и метче: стремительней;

брат —

— брат Иван, —

— как сигнет, — все грохо- чет; а брат Никанор, хоть сигает, а — не зацепляется; вылетит, пере- юркнет; и — напомним морского конька, предающегося легкоплавной игре среди водной стихии; как рыба в воде, средь предметного мира; а брат, брат Иван, среди роя предметного — гиппопотам, обучаемый Фокиным⁷² всем пируэтам балетного дела.

И брат Никанор по сравнению с ним — балерина.

Профессора он называл: «Брат Иван!». «Б р а т И в а н» называл его «Н о р у ш к о й», требуя, чтоб уваженье выказывали этой «Н о - р у ш к е»; «Н о р у ш к а» — фыркал на брата Ивана, который однаж- ды обшил его: фрак ему сшил; шапо-клак⁷³ подарил для чего-то; об- шил с головы до пяты: от исподней сорочки до..., так сказать, шубы енотовой; в этот енот Никанор как нырял, исчезая в нем; то было лет двадцать назад; брат Никанор сдал экзамены; что же случилось? Шу- ба енотовая (с исчезновением в ней Никанора) — исчезла, а брат Ни- канор появился без шубы, без фрака, без клака: в Москву.

Весь багаж стибрил жулик.

Об этом он брату Ивану — ни слова: хотя бы «спасибо» сказал; проходил легкомысленно лето и зиму в тряпчонке, а не в пальтеце; но «тряпчонку» на руки швейцаров бросал с независимым видом; в сплошном изъявлении протеста окурочки тыкал в цветочные вазы; ко-

гда перед дамой садился, то вздернувши ногу на ногу, рукой обхватив, принимался качаться на двух только ножках висящего в воздухе стула; и дама боялась ужасно, что — свалится.

Он не валился: нисколько.

— «Чч-то?»

Скоро уехал учительствовать в Петербург, оказавшись во Пскове; отсюда попал в Туркестан, где жарой его выжало, где он схватил лихорадку и где закуражился в едком сарказме на правила и предрассудки сознания:

— «Да-с, — выдумал, что — нигилист, в корне взять», — добродушно подфыркивал брат: брат Иван.

— «Вот и суку случи, тоже — случай!»

Таким афоризмом Иван Никанорович выразил явный протест против «случая» с братом; меж нами сказать: он не очень-то в «случай» поверил; отыскивал необходимости «случая» этого; и, между нами сказать: был он выписан; только об этом Иван Никанорович крепко молчал (скрытен был).

Кто же выписал?

Тителев...

И — заходил по Москве гогольком, будто «случай» его не касается; даже: о брате Иване с иронией он отзывался:

— «Да-с, дифференцировать, еще не значит» — очками поблескивал едко.

Чего?

Брата вспомнив, себя поминал он при этом:

— «Что? Ум хорошо, а два — лучше: вот брат, брат Иван, математиком вышел; я вышел — словесником; кто ж из нас лучше: так, эдак? Я думаю, — что: о б а л у ч ш е!»

Но кажется: брат Никанор плоховатым учителем вышел: карьера учителя шла в нисходящей градации: Питер, Варшава, Псков; так... — до Ташкента, где уровень преподавателей был по плечу ему.

И стало ясно: ему б — по финансовой части (опять — идэ ф и к с: ну какие финансы?); явившись в Москву вознамерился в банке служить (в Государственном Банке, — не в банке с водою).

С Никитой Васильевичем, скуки ради, садились — с картишками: резались в мельники⁷⁴: сам академик семидесяти пяти лет с туркестанским, заштатным учителем; и вспоминали: отсутствовавшего.

— «Я Смайльса⁷⁵ ему приносил, а он нос свой — в задачник».

— «Да-с, — был незадачником брат, брат Иван... Что?... Ходить головастиком, еще не значит быть умным... Власы распустить овцебыком и слюни пускать, — то же самое...»

И Задоятов, Никита Васильич, в какое бы там ни впасть благодушие, не перенес этой шпильки; и — смяк; Василиса Сергевна его увела; вслух читала ему, его собственное сочиненье: «Б а л ь з а к»; он статейку-таки — дописал, ей промучившись с год; оттиск — канул (пошел на завертку); сам автор забыл, что он — автор.

Однажды не вынес — себя же; и — встал; и простерши ладони, как Лир, над Корделией мертвою, он возопил умоляюще:

— «Ах, что за дрянь вы читаете!»

Он с Веселовским⁷⁶ себя, верно, спутал.

Иван Никанорыч, и — бухни:

— «Так что: дельно сказано!»

Тут позвонила по счастью Мимоза Фетисовна; сын ее, Примус, пришел вместе с нею; и с прыщиком цвета герани сидел; Анна Бабова чай подала. Так в ненастные дни распивали бурдового цвета чаи они⁷⁷.

20.

Ах, как пышнели салоны московские, где бледнотелые, но губоцветные дамы являлись взбеленными, как никогда, обвисая волнением кружев, в наколках сверкающих, или цветясь горицветными шляпами; и, как шампанское, пенилась речь «л и б е р а л ь н ы х» военных сквозь залп постановочный из батареи Таирова⁷⁸: яркой Петрушкой; в партерах сидели военные эти, ведомые в бой Зоей Стрюти, артисткою (Ольгою Юльевной Жйволгой).

Армия — отвоевала.

Земгор — воевал, двинув армию мальчиков, чистеньких, блещущих — в прифронтовой полосе, куда ездили дамы под видом раздачи набрюшников⁷⁹: воинам нашим.

И невразумительно, пусто, в белясые лысы просторов означился путь наших маршевых рот: до окопов, где вшиво не знали, что делать. По знаку ж руки от Мясницкой и мимо Арбата фырчала машина, несущая Усова, Павла Сергеича⁸⁰ к... Константинополю: сам генерал Булдуков не поехал туда, потому что от фронта был явный попят: на Москву; и — попят на гуляи веселые Митеньки-свет-Рубинштейна⁸¹.

Сгибалась под бременем всех поражений Москва; бремя — вбеженцы; очень богатые, очень нарядные; гнули по-своему: гнул больше прочих французы; коренные же жители из переулков — из Шлёпова, Девкинова, — не глядели друг другу в глаза, друг у друга выщипывали, пригибаясь друг к другу, материи: нюхались, точно собаки, с хвоста.

Как не шупать, не нюхаться, коль подтиральная тряпка — не юбка; штанина — драйина; как зеркало, локоть; и задница даже — зеркальная; каждый карниз — перелуплина; не мостовая — колдобина; в воздухе — многоэтажная брань: до дреколя; двор — дрэбзедень; пригород — душесмутительный дух гниловищ; поле — рбина; фронт — фря и фронда⁸²...

Россия!

Цветистей порхали, задзенькав, как шпороу, польскою фразой: пан Яны; и день за днем нюнил эн - э с, фортку сияясь в Европу открьть из редакции: «Русские Ведомости»⁸³.

Заломились народом дома; в них галдеж не московский, галдеж мировой, или просто «мычание», как заявил Маяковский, «Простое мычание»⁸⁴ выставив в книжной витрине и облако в брюки одев.

Поднималась безглазая сплетня; и у мальчика голодырого скверно ослабился рот.

.....

Голодырый малец наблюдал с перекрестка, глазами жадея за Грибиковым, с бледной головизною⁸⁵, в бумагу завернутую, проходящим и распространяющим запахи рыбной гнилятины; дух стал душком: прокисал переулочной вонью, как Грибиков, странно утихнувший в вони свои; и — не видели: видели уличный угол, где булочный козлоголосил хвостище:

— «Нет булок!»

И жескнул калач жестяной, раззолоченный.

Вывеска, высверкнув, сгасла.

— «Война!»

— «Не пора ли?»

— «А что?»

— «Знаешь сам».

Так и ломит заборами ветер: «б а б а ц» — плющит крыши; Плющиха, платформа, пространство: —

— сигает оврагами!

21.

— Ръррр! —

— Рррр! —

— прошли баталионы: легли миллионы!...

И новые шли миллионы: в поля; в батареях болтали уже: у Антанты солдаты — атласные франты; а мы — на бобах: в батраках.

— «Да-с!».

Лысастое место; с него виден издали фронт; в ложементх⁸⁶ сидели и кашу варили: под праздник; в селе же, по-прежнему,— колокола заболтали:

— «Зовет царский колокол, по всей России, — в могилу, в некрутину; под барабан забирает...»

— «Там, под барабаном, коли повернешься, — убьет тебя; недовернешься, — убьет тебя; коли вернешься — не выслужишь даже ста реп».

— «Служба — чирий в боку».

— «Как мамашины прапоры спервоначалу на фронт уезжали мазурку отшпорить, скартавить приказ, — да в болота мазурские поуеглись; так-то лучше, — спокойнее».

— «Ты погоди, — впереди еще служба-то: жилы порвем, а возьмем, брат, Москву!»

Тихо: колокола перестали звонить.

«Рррр» —

— гремит батарея, окрестности брея: чинит правосудие черночугунное горло орудия; взорваны: —

— проволоки, —

— бревна, —

— брюхи, —

— и груди! —

— В бабацах гранат — горлодеры далекие; это штыками процапались дранцы, царапаясь ранцами в проволоке, вылезая из оболочка ядовитого газа; все — в масках...

Штурмуют позицию — там; —

— здесь —

— как серая гусеница, нервно вздрагивая и натягивая нервно нить, опадает с небес, полетев в небеса, —

— колбаса, водородом надутая...

Что ж это?

Вместо нея — фук дымов: грохоточек...

А человек, в ней сидевший, — где он? Да за ним — миллион человек таких; и их больше у нас, чем колбас.

В полосах желтоватых жнивья — полоса серовато прошла из частей войсковых руконогов, безглавых, бессильно шагающих в бой по бессочью безродного поля: призыв девятьсотого года⁸⁷ ...

Народная голь!

.....
Сжавши лайковой, белой перчаткой бинокли, в бинокли глядят адъютанты, блестя эксельбантами, корреспонденты Антанты; пищит полевой телефон...

И утонченно архитектуронику строя —

— дивизий, —

— бригад, —

— батарей, —

— баталионов, —

— в бой брошенных рот, —

— рапортует

откормленный корпусный скот: бой благополучен!

Пробриты бригады; разбросаны роты; фронт — прорван; попят — со всех пят!

Тем не менее кто-то, кого-то поздравит: отечески, мило, сердечно!

.....
«Бой под Молодечно»⁸⁸ — заглавие корреспонденции «Утра России», где все препленительно —

— слажено, —

— сглажено, —

— схвастано, —

— сластано, —

— точно не

бой, а цветочки; концовано — Константинополем: «Ли к и а р - д о п у л о»⁸⁹ — подпись; и — точка.

Соль — в том, что опять уложили в безродное поле: народную голь!

— Ppp!

— Бррр!

— Брры́-бррр!...

22.

Бар-Пзар: с неграми!

Тризна отчизне; брызнь света, брызнь струй: брызни жизни! Здесь — все: Зоя Ивас, Азалия Пах, офицеры, корнеты, корсеты, кадеты из организаций Земгора: золотоочковые, лысые, брысые; дамы: не талии — змеи; лакеи и столики; пестрый орнамент просторной веранды; румыны кроваво-усатые, красноатласные: рын-дын-дын, рын-дын-дын —

— трр-ы-ын —

— дын!

Вот, волоча свои дряби, с губой грибоватой, с тремя подбородками, точно в жабо, с желдачком на носу, — мимо столиков — гологоловый старик (не глаза — егозята); и с ним губоцветная дама, шелками влачащаяся, цвета рома (дессу — цвет шампанского, с искрой), с опаловым цветом лица, с горлицевыми перьями, с пряжек бросающими блес комет; гиацинтовый глаз.

Сели.

К ним — адвокат Пероковский: пороки описывал так, что перо переламывалось; старичок, облизнувшись, отвечивал живототрясом, не смехом, а дама — сплошным придыханьем грудным.

Это — чех, миллионер, Бездибиль: нагорстал состоянье; теперь горстал доброе имя и честь.

Желтожирую стерлядь им подали.

В ниши, как белые мыши, под темнолиловые с искрой малиновой выпыхи — белые пальцы, крахмалы и нижние части лиц, выбежав, прячутся; они уселись в ниши, чтоб было им тише выглядывать в блеснь страстнокрасных румын, в треснь оркестра: одни только пальцы, дрожа, выдробатывают дробь ударов: —

— дырр-дырр-дырр —

— Друа-Домардэн, друа —

— де л'ом: да, —

— Друа-Домардэн был не в духе!

Он с точною четкостью, точно награвивал грани градациям ассоциаций, царавшим память, как цапанье лап леопарда —

— аррд-аррда: О,

— дрог позвоночника! Трагикомедия, — вовсе не драма: желудок расстроился вдрызг... —

— Взвизги —

— ввзз —

— ввзз —

— ввзз —

— скрипок: с эстрады!

Один эпизод (о, их много!): в России он некогда был-таки, но не хотелось, чтоб кто-нибудь —

— «т он» и «у б б» —

— стоны томболы с тамбуром; и —

— брры-бббра —

— гитара рыдала!

Он — с Фошем^а; и он — против: боша⁹⁰; есть метрика, сертификация, корреспондентский билет (всегда — в правом кармане); и есть тэт - а - тэты с кадетами, даже куплет, вместе спетый, с племянником лорда Хеопс, лордом Моббз и с сеньором Мопсани-дель-Арте, — в «Аластере», лондонском баре; смех вместе; и вместе на дэрби⁹¹: с сер Перси Леперсли; в Ньюкэстле (до Бергена плыли)⁹² с доктёр-эс-леттр^б Поль д'Ареньяк...

— «Мэтр политики» — доктёр-эс-лёттр д'Ареньяк мадемуазель де-Лебрейль говорил: о нем именно...

— «Метрика, карточка, корреспондентский билет — все в порядке, — напутствовал из Хапаранды в Торнео⁹³ его доктор Норден известнейший: публицистический, да, псевдоним математика, доктора фон Пшорр-Доннера (из-под Упсалы), который с геометром Рэсселем^{с/94}, севшим в тюрьму, социал-пасифистом, свой голос возвысил за мир: —

— дrrr!

Что ж, — с Перси в Ньюкэстле он — за, под Торнео он — против: о, кровь публициста, весьма темпераментного (писал с кровью в газетной строке, с металлической литерой, ползающей вместо шарика крови в его организме).

Его против воли в авто привели: Тигроватко с мадемуазель де-Лебрейль в этот очаровательный «Бар-Пэар. С неграми»; он же являл, сидя в нише, фигуру вполне безголовую (может, из кости слоновой пробор головной?), но владеющую головою, пронизанной снизу издрогами нервов стальных (механизм их исправен), чуть-чуть утрированных в позу, которой владел в совершенстве; вокруг, на него озираясь, шептались уж, что Домардэн уличен в чем-то; грянет^д в Москве небывалый скандал на весь мир; и портрет Домардэна появится во всех журнальчиках: Франции, Англии, даже Бразилии, даже Зеландии, как негодяя «ор-д'ор»^е; в чем суть тайны, с которой он связан, — не знали: но ели глазами его, удивляясь: —

как пальцем щепит волосинку и как достает носовой свой платок, задерж вымученно вспоминаемой роли, продуманной до мелочей, поднесенных другим, как привычка.

Так ловкий лакей сервирует поднос; подносилась привычка —

---

^а Французский главнокомандующий (прим. АБ).

^б Ученое звание, своего рода «доктор словесности» (прим. АБ).

^с Рессель — известный английский геометр, пасифист, в годы войны отбывший заключение (прим. АБ).

^д Зачеркнуто карандашом: «завтра грянет».

^е По смыслу: высшей марки, вне конкуренции (прим. АБ).

под нос, с нота бэной: —

— при-выч-ка!

Судачили, ели глазами, но... но убеждались; слухи — отчаянный вздор, человек, уличенный в преступном деянии, упрятываем в мешок каменный, а Домардэн — на свободе, и — главное: это спокойствие.

Весь — черч и вычерч; лишь бронзовый цвет бороды нарушал комбинацию блан-э-нуар⁹⁵; стекла, фрак, носки, клак, — только черное; щеки, крахмалы, пробор парика — только мраморно-белое, как убежденья, как виза «Парí», и как лозунг «война до конца» против... циммервальдистов⁹⁶.

23.

Эстрада: —

— ряд тем: один, два, — номера; три, четыре, пять, шесть; новый трюк: —

— номер семь: —

— Темь!

Свет умер совсем
вдруг —

— лишь отсвета мертвального

сизостылая синь: и в ней мило; мел белый, — не личико, маленькое, с кулачок, слабо дрябленький; плоские поля шляпы вошли пером огненным с огненным и перекошенным в пении ротиком в отсветы бледного и сизо-синего света: —

— мелодекламация!

.....
В окна
Ударится камень...
И врубится
В двери — топор.
И окон разинется —
Пламень
От шелковых кресел и —
Штор;
Фарфор,
Изукрашенный шандал...
Все —
К чертовой матери: все!
Жестокий, железный мой
Кандал

Ударится в сердце —
В твое!

.....
— «Браво» — рукоплесканья; все — взвизгнуло, взбрызнуло перлами и перламутровым светом; в свет встал с мадемуазель де-Леб-рейль Домардэн, направляясь к выходу.

Бар-Пэар: с неграми!

Тризна отчизне: брызнь света и жизни: здесь Питер Парфеныч Тарпарский свои интонировал фикции; Цезарь Иванович Чéчернев спрашивал о Хапаранде-Торнео^а; орнамент просторной веранды фонариками освещался.

Не Бар-Пэар, с неграми —

— остров Борнео!

Пил джин пан Зеленский —

— шимпанзе —

— с гаванной в зубах;

и с ним сам дядя Сам^{б/97}, —

— черный фрак, —

— груди крак, —

— оперстненный, блум-пуддинг⁹⁸ ел;

хрипло кряхтел «Я н к и -Д у д л я м и»^{с/99}:

— «Деньги и деньги».

Пэпэш-Довлиаш, Николай Николаич, кадет, психиатр, проповедывал строго кадетские лозунги двум туберозам хохочущим:

— «Мадемуазель... Плэ т'иль? Вы б — на войну: гулэ ву?¹⁰⁰»

С почитательницею Ромэна Роллана, с мадам Тигроватко—

— в боа и

— в перчатках! —

— ее

ухватив за бока, англичанин,

сёр Ранжер, —

— с оранжевой бакой,

— в оранжевом смокинге —

— оранг-утангом —

— отплясывал

танго!

---

^а Зачеркнуто чернилами: «Друа-Домардена».

^б Кличка, которую дают американцам (прим. АБ).

^с Американский национальный гимн (прим. АБ).

Из сырости в высвистах снизились в дым кисти ивовых листьев, как счесанные, чтоб опять на подмахах взлетать и кидаться в тумане и мареве взмытого дыма, вздыхающим хаосом мимо гонимого; маленький сеянец сереньким крапом косит — над Москвою, над пригородом, над листовою садов придорожных.

Над скосом откоса с колесами чмокает, льякая, млявая^а слякоть; обрызнутое, — дико взвизгнуло поле: —

— на фронт —

— в горизонт —

— мимо Минска —

и Пинска, —

— где

всем воюет свинцовый рой мороков.

«Барр-ды-дд... Бррыбrrrr!»

То — орудия?

Нет!

Мертвцов миллионноголовое горло орет, а не жерло орудий, которыми рвутся: дома, города, люди, брюхи и груди; в остатке сознания осталось сознание: сознания нет!

И под черепом царь в голове свержен с трона.

С запекшейся кровью, с заклепанным грязью, разорванным ртом — голова, сохранившая все еще очерки носа и губ; тыква — нос; кулак — губы; она это ахнула с поля, в котором сгнила; и за нею — десяток голов, вопия, восстает; за ним — тысячи их, вопиющих, встающих.

Две армии друг перед другом сидят...

Третья —

— многоголово роится...

Где двое, — она уже: гул возникающий, перерастающий дуло орудий, — в такой, от которого точно поблеклый венчик облетит колесо Зодиака.

А за головой поднимается — тело, везомое дико в Москву, чтобы вздрагивали, увидав это тело (нос — тыква; губа — кулаком) с оком, выжженным пламенем лопнувшей бомбы, с кишкой перепоротой, — взятое из ядовитого желтого^б облака.

Пятятся, как от допроса сурового:

^а Зачеркнуто ручкой: «мягкая».

^б Зачеркнуто ручкой: «хлорного».

— «На основаньи ж какого закона возникла такая вертучка миров, где умнейшим, добрейшим, огнем выжигают глаза, чугуном животы порют, желтыми хлорами горло закупоривают?»

Ответ — лазарет.

Волочат это тело свалить и копать в кишке перепоротой, черными стеклами глаз застеклянить и медное горло привинчивать, думая, что отверглись, что грязною тряпкой заклепанный рот: не взорет.

И гулять выпускают — в Москве: на Кузнецкий.

Стоит на Кузнецком телесный разъезд, провожая прохожих разъятием ока:

— «Вам кажется, что невозможно все это?»

— «А мне оно стало возможным».

— «Я стало путем, выводящим за грани разбитых миров».

— «Ты за мною пойдешь...»

— «Да и ты...»

Но — шарахаются, отрекаются, — этот, тот, — не понимая: —

— стоит —

— Страшный Суд!

Подъезжает карета; подхватывают; и — привозят; ведут коридорами...

.....
Камеры, камеры, камеры: в каждой — по телу.

25.

Раз!

Два!

Три!

Четыре!

Пять!

Шесть! —

— номера, номера, номера: —

— номер семь; —

— в нем

под бременем времени — тело.

Так бременно время!....

Шел шаг... *

— «А теперь, —

— его в ванну!^a »

---

^a Вписано карандашом вместо: «барин: в ванну!».

В дверь —
Вывели.

.....
Мылили —

— бренное, пенное тело; и ел едкий щелок; и били: в живот, в спину, в грудь; и скреблась —

Раз!

— «Да-с!»

Два!

Голова!

Раз, два, три!

— «Ты — протри!»

Все, что бременно, — временно; помер — под номером. Ванна же, как каша манная: манна!

— «И — да-с: Анна Павловна — тело, как я!»

— «Анна Павловна? Зря, барин: спутались!»

И — было бито: так надо! Массажками глажено; слажено под простынею распластанной: слава отчизны — не тело!

— «А клизмы не надо...»

Сорочка, халат; вата —

— в глаз!

Все.

И — точка.

.....
Забило: —

— раз,

два,

три!

— «При!»

Вывели в дверь; по покоям — шел шаг; страшновато!... Топырили нетопыри свои крылья — в темь...

Это — заплата! —

— Четыре

пять,

шесть —

— семь!

За месяцем — месяц: двенадцать^a в году; время сцапало: цепь бесконечности: бременно время...

---

^a Зачеркнуто ручкой: «одиннадцать, даже двенадцать».

Но — временно время!

«Бим-бом» — било.

— «Было: дом Бом^а — близ Девичьего Поля¹⁰¹; в нем болты скрипели: дом — белый, не желтый¹⁰²».

Безгласное тело — село, на тучи глаз пуча:

— «Да-с!»

— «Дело ясное, — и вопрос в том: за окном — пес, —

— закат,

— да метелка осиновая...

В кресле же, перед столом:

Полосатый халат,

Да ермолка малиновая...

Крыши, медные лбы, бледной сплетней все тише

звенели о том, что мозги —

— мыши —

— съели!

26.

Выяснялось: —

— перетертую тряпку Том пес —

принес

в дом.

Ее ел:

Костогрыз приказал долго жить под трамваем;

Потом —

Кто-то

Ком

Грязный грыз

Тряпки трепанной... —

Знаки Зодиака

Строят нам судьбу:

Всякая собака

Лает на луну.

Тó-то же!

Истины двоякой

Корень есть во всем...

---

^а Такой дом был (прим. АБ).

В корне взять: собака —
Не дерись с котом.

Дело ясное!

.....
Еще выяснялось, —

— что —

— кто-то кота надел на голову вместо шапки; и шваркнул, котом оцарапавшись, — котом: в пол.

— «Извините, пожалуйста, Васенька!» Тут же, схватив свой коричневокожий портфель — бежал, чтобы лопнуть от хохота:

— «Очень забавная штука: рассеянность, знаете ли; а с Сергеем Андреевичем Юрьевым¹⁰³ — то ли случилось?»

Было.

Когда?

Где? —

— Пустился бежать — в косохлест, поднимающий сон, прежде снявшийся: Грибиков — дрянь снится нам — из-за форточки выфукнул; пырснули прародом года многолобых усилий, ученых трудов: —

— дрр-дрр-дрр!

— «Что?»

— «Война мировая, профессор Коробкин!»

.....
«Драмбóm» —

— точно рапортом дробь выдробатывал, вздрагивая, барабан: др-дррр —

— tárртárrádr! —

— дрр-дро!

— «Прáво! Раз! Прáво... Распрáва!» — покрикивал прапор в туман. За забором отряд пехотинцев прошел.

.....
Звуки «дрррб— дро» — дыра, яма, или, —

— хотящая вспомнить себя стародавняя драма: удар —

— дар-ман-дрó!

Нет, — не вспомнилась!

«Дррбó» — дробь пролеток, а не... не... бернуллиева: дробь эти открыл математик Бернулли^{a/104}.

^a Швейцарский математик Яков Бернулли, уроженец Базеля (прим. АБ).

— «Ее бы подвычислить. Может быть в ней память счислена, а то — дыра вместо памяти; может быть память, в квадрат возведенная, скобки откроет?»

Удар, как оглоблею, — памятью: —

— черный квадрат; он, его вычисляя, выносит за скобки; тут — перекувырк; что казалось незыблемым островом, — кит унырнувший в пучину; квадрат — побежал, потому что в динамику перечисляется статика; перечисляемое, тело, с «же»^a, с ускорением, или — профессор, — бежит, потеряв свою шляпу, с воздетой рукой, зажимающей мел, за квадратиком черным, бегущим в невнятицу; тело, опоры лишенное, падает в яму.

.....
Недавно еще привели его к яме: живого, его, закопать; кто-то (гробокопатель?) стоял в котелке, с черным зонтиком, губы напуча и дергая кончик проседой бородки, учил, объясняя постыдное дело свое: —

— друа де л'ом^b —

— плюс: —

— научное знание,
— физический труд,
— чистый воздух,
— бром,
— клизма!

— «Плэ г'иль?»

Под лопатую — глины ком, корни, да гниль.

Он в могильную яму пал с криком^c о том, что падут стены тюрем, — вселенным, и ось Зодиака сломается.

Небо ответило — кубовым воздухом:

— «Будет — все новое!»¹⁰⁵

27.

Небо — сама аксиома ощупанная; оно — дно, у которого сорвано дно, потому что какое же дно — глазолет сквозь пределы вселенной, разложенной в атомы^d: лет сквозь просторы атомных пустот в обстоя-

---

^a Знак, буква «же» обозначает «гравитас», или тяжесть (прим. АБ).

^b Право человека (прим. АБ).

^c Зачеркнуто ручкой: «с диким криком».

^d Зачеркнуто ручкой: «в атомы или вселенные».

нии планет, электронов; протоны сияют, творя очаги тел; наука^a о качествах нашей частицы распавшейся небо явила, которое — сплошность^b протонных Солнц: —

— звезд!

— «Смерть, — есть^c пептонизация; она начало лишь уранизации; пыль тел есть семя “солнц”»^d.

Он — в центре неба, которое он наблюдал из окна; сочетанья протонов — созвездья; комплекс точек математических, сложенных принципом аритмологии¹⁰⁶, но — оку зримых; ощупанная, математика — небо: гробница, с которой сорвал он плиту; и оконный квадрат, распахнулся на небо — из неба же:

— «Вот макро-мир, как сказал Фурнье д'Альб¹⁰⁷».

Видел небо, которое с воздухом кубово-черным, настоенном на блеске Веги, он пил.

«Со» — созвездий —

— сознаний —

— содействий —

— комплексы: аритмологическая композиция мира: созвездья — как с о в е с т ь^e, которая в нем ожила. Облеченный в созвездья молекул, в свое тело, —

— в звездное, —

— как в свой домашний халат, у которого он перевязывал кисти, с открывшейся памятью —

— (сон: как он пырнул от фука, — неправильное восприятие того, что он пырнул созвездьями клеточек в небо) —

— с раскрывшейся памятью он, вознесясь, шел сойти^f; говоря рационально: зажить припеваючи.

Тут что-то, щелкнувши, вспыхнуло из-за спины; круто перевернулся; и — видел: блеск белый живой, электрической лампочки: комната; в ней у окна он стоит, прислонясь^g, вырезаясь на небе, усеянном звездами; то^h — отражение зеркалаⁱ.

^a Зачеркнуто ручкой: «в корне взять, наука...».

^b Зачеркнуто ручкой: «крайний распад, выявляющий сплошность...».

^c Зачеркнуто ручкой: «конец, дело ясное, есть пептонизация...».

^d Зачеркнуто ручкой: «пыль наших тел, или атомы, есть семя цветов, вспыхнувших солнц».

^e Зачеркнуто ручкой: «созвездья, со-вестья — как с о в е с т ь».

^f Зачеркнуто карандашом: «перейдя за черту, собирался по-новому проверить все да-с и да-с, говоря...».

^g Зачеркнуто ручкой: «он в халате стоит, прислонясь к окну».

^h Зачеркнуто ручкой: «ясное дело, то...».

ⁱ Зачеркнуто ручкой: «: шкаф там зеркальный». Зачеркнуто карандашом: «зеркала шкафа».

Вот он^а.

.....
Халат, еще прежде подаренный вместе с мурмолкой Нахрай—Харкалевым, профессором и путешественником, привезенный из Индии^б и нафталинами пересыпаемый^с (вынут: случайно свезен в этот дом), — расширенный такой, с рукавами в пестрь.

Редкий^д халат.

И мурмолка такая ж, — на столике вместе с футляром очков, с разрезалкою; коврик, кровать, стены белые, гладкие, с голубоватой холодной каемкой.

— «Скажите, пожалуйста!»

В этом халате прошлепал он к зеркалу, чтобы увидеть, как из-за щеки остро смотрит глазок; на квадратец заплаты глазной (и глазную повязку поправил он); космы: торщи, тормози; зарос войлоком; видно, — не красился; и оттого — серебро: —

— скажем ясно: —

— личина^е, как краска, сошла; лик остался...

Лоб — лбище: ловил свою мысль; вырос нос и втянулась щека; красный шрам; глаз — за нос: он один за двоих; и он выпыхнул пламя, которого не было прежде; усищи же — белые, жесткие, точно две грабли, скрыв губы, лежат в седине.

— «Ничего-с: образуется...»

.....
Крик:

— «^фОн стоит в черной копоти!.. Лампу зачем ему дали?».

Дверь — настезь: через коридор он влетел вместе с ними в какую-то комнату; черными хлопьями — красный столб ламповой копоти бил^г; в центре очень неясно стоял кто-то в тихом пожаре^h, кого унимали; он им объяснял:

---

^а Зачеркнуто карандашом: «Так вот он какой?».

^б Вместо «из Индии» зачеркнуто ручкой: «из Суматры».

^с Зачеркнуто карандашом: «пересыпаемый этак лет десять от моли».

^д Зачеркнуто ручкой: «Приредкий».

^е Зачеркнуто карандашом: «после болезни личина».

^ф Зачеркнуто карандашом: «Нет, что он наделал?».

^г Зачеркнуто карандашом: «бил вулканом».

^h Зачеркнуто карандашом: «в тихом багровом пожаре».

— «Этот остров впал в грех^а: я его наказал извержением»^б.

Выяснилось: население острова, или стола, — муравьи в мешке с сахаром.

28.

Дымы вываливают из трубы; их прозор, разъяснение, растменье^с редующее, сине-сизое, голубо-сизое; встали малиновые и оранжево-карие пятна деревьев, не свежавших листья; дом розовый белою колонным подъездом и белою лепкой гирлянд поднимал расширения окон, как очи, вперенные в голубоватый прозор.

Распахнулся оконный квадрат, вскрыв мир внутренний: чье-то жилище; шторка, веко, — открылася; но — чернота поглядела; вот кто-то к окну подошел:^д посмотреть в глуби сада; старик коренастый — в халате: фон — голубо-серый, с оранжево-карею, с кубовою игрой пятен; он — кистью играет; а на правом глазу квадратец^е чернеется.

Каждое утро — открыто окно; в нем старик этот пестрый; на черной заплате^г вселенной.

Позднее больные валили в открытые двери подъезда; их вел Авдик Дереникович Тер-Препопанц, ординатор и доктор по нервным болезням; с ним шли: Плечепяткин, студент, сестра в белом^з, и унтер в отставке, седой, Пятифифрев с седым инвалидом, с Пупричных, влачащимся на костылях.

Новички под окном — удивлялись и спрашивали^г:

— «Кто же он?»

— «Он — профессор своей знаменитости: глаз ему жгли, колотили; ум выколотили».

Неприятный толстяк, шут гороховый, рыло в пуху, в желтосером: учил их:

— «Сиди под кустом, за листом; не стучи: гром убьет!»

— «Да смирей он теленка...»

— «А били за что?»

— «За открытие видов».

---

^а Зачеркнуто карандашом: «Этот остров — на стол показал — впал в грех».

^б Зачеркнуто карандашом: « — “Ясное дело, помешанный”».

^с Зачеркнуто карандашом: «рассеяние дыма в растменье...».

^д Зачеркнуто карандашом: «пестротканый, — задуматься; смотрит».

^е Зачеркнуто карандашом: «квадратец заплаты».

^г Зачеркнуто карандашом: «и он — пестрой Петрушка на черной заплате...».

^з Зачеркнуто карандашом: «, Селеги-Седлинзина, ...».

^г Зачеркнуто карандашом: «Пятифифрева».

Толстяк, шут гороховый, рыло в пуху, в желтосером, — подмигивал:

— «Видывал виды!»

— «Кто бил?»

Пятифыфрев:

— «Остались^a — пустые штаны; показали на труп: в живодерне...»

— «Труп?»

— «Он, а — не брюки... Вот — чьи они?.. Воздух в штаны не залезет...»

И Тер-Препопанц, это слыша, поежился:

— «Глуп Пятифыфрев...»

И он Николай Николаичу все расскажи; Николай Николаич, Пэпэш-Довлиаш, психиатр, это слушал протянутой челюстью, вытянутой за тугой воротник, опущенной проседой бородкой, напучивши губы, как для поцелуя; лишь глазки, присевшие в белых, безбровых мясах, стали — тигры малайские; взял котелок, трость; и — в сад; к Пятифыфреву:

— «Клади — метлу, бляху, фартук: готов? И туда», — показал головою на улицу — «там: г у л э в у?»

Ему в ноги старик Пятифыфрев:

— «Ни-ни, чтобы я...»

— «То-то же...»

А больные — подглядывали:^b

— «Он — дурак?»

— «С разуменьем, а — без головы: голова только туловище занимает».

— «Она — отрастет: наживная...»

Матвей Несотвеев, солдат, объяснял:

— «Стоголовою, брат, головою мозгует он: что ему там — без одной головы, без другой: как губерния, пишет словами...»

Солдаты, Пупричных, толстовец, любили больного; его называли «профессор Иван», «брат Иван», — свой, родной.

Значит — битый.

.....

Став в пару, и парой сходя по ступенькам подъезда, старик одноглазый, распятив венец седины надо лбищем, ловящим морщинами мысль, точно муху, поднявши щетину усов, — точно граблями, ими кидался; и был — вне себя; разрезалку держал он прижатой к груди, как державу.

^a Зачеркнуто карандашом: «В номер выставили, а остались...».

^b Зачеркнуто карандашом: «: под окошком:».

И шел^а, как на бой.

— «В корне взять, человек» — поднимал разрезалку.

— «Есть мера» — кричал вне себя он — «число: мощь!»

И сек разрезалкою воздух, плеснув пестроперым халатищем, где разбросалось по голубому, пожухлому полю столпление пятен — оранжевых, кубовых, вишневых и терракотовых; пятна, схватясь, ушли в налет бело-серый: в износ!

А с профессором шли: Николай Галзаков и Матвей Несотвеев; все прочие пялили глаз — на изъятие красное, скрытое черной заплатою; глаз, за троих, огонь выдохнув, сжался, став точкою, искрой; пузырь из плевры — человеческий глаз; так откуда же — огненный фейерверк?

И говорил — вне себя он:

— «^бУ нас на носу неприятель сидит».

Николай Галзаков и Матвей Несотвеев — ему:

— «То есть, — в точку: у нас на носу... Как возьмут Могилев — нам могила».

— «Пустая...»

И в спину ему:

— «Мотри — волосы дыбом...»

— «Ум дыбом: от этого — волосы дыбом!...»

А он, подняв нос, как осетрий (и ноздри жарко дышали) в кустарники красные и рогогогие, пяткой своей вереща в сухолистьях, — шел.

29.

Серафима Сергеевна Селеги-Седлинзина бедно жила; и ходила на службу: в лечебницу; ростом — малютка; овальное личико — беленькое с проступающим еле румянцем: цвет персиков.

Ветер — порывистый, шквалистый, шаткий; калошики, зонтик, — пора! И — несется: кой-как, через двор, под воротами, — одолевать серокарий забор, закричавший под ветром, и палевый домик; ух — рвет: покраснел кончик носа; винтяся, с бумажкой играл свитыш пыли, ввиваяся за угол; от трех колов — рвет рогожу под домом, где писарь лентяит в пустом помещении (часть разошлась по Москве, чтоб висеть на подножках трамвая).

^а Зачеркнуто карандашом: «И с собеседником шел...».

^б Зачеркнуто карандашом: «Неприятельница — наша совесть: у нас на носу...».

Вот крепкий^а, как крепость, забор: перезубренный; гнется береза в окрале коричнево-сером: и — зашебуршало, как стая мышей из бумаги; в воротах сидит инвалид, в прыщах красных, Пупричных: глядит в глубину разметенной дорожки, с которой завялились с красной гирляндой слетающих листьев и шали, и полы пальто; лица — красно-коричневы (с ветра); юбчонку отхватывает вертохват.

Но яснеет, под небо встав, яркий жарч кровель и крыш; из расхлестанных веток является розово-белый подъезд, два окна; и уныривают; выплывает карниз с подоконным фронтоном; туда Аведик Дереникович Тер-Препопанц поведет, точно стадо баранов, больных интеллектом людей с исключительно нервными лицами, с жестом, в котором — подчеркнутость брошенной позы.

Сюда приходя, волновалася; там, за воротами — точно в водянке оплывшие рожи^б копителей Девкиного переуллка; здесь мысль^с — в напряжении; здесь — острота, пылкость, смысл!

Но не то полагал Пятифыфрев:

— «И бродят, и бродят».

Пупричных, привстав, и плечо на костыль положивши, ответил: вал:

— «От мозголома. А энтот:» — и он показал на мужчину с заколотым розовым галстухом, в фетровой шляпе и в сером пальто с отворотами — «түтовый он?»

— «Пертопаткин, — родными посажен за то, что войну отрицает».

— «Резонно», — Пупричных насытился зрелищем и под воротами отколтыхал костылем.

— «Фатализм — очень вредное верованье, развращающее наши нравы, как и шовинизм, наступательный патриотизм», — приставал Пертопаткин, Кондратий Петрович, к Пэпэш-Довлиашу.

Пэпэш-Довлиаш, Николай Николаич, толстяк, вид имея вполне добродушного лося, подрагивая и как будто паркет растирая ногою, с приплясочкой, вытянув челюсть и губы напучив, как для поцелуя, спросил:

— «Самочувствие?»

— «Прямо божественное».

Николай Николаич рукой с карандашиком, глазками и котелком — к Препопанцу:

---

^а Зачеркнуто: «каменный, крепкий».

^б Зачеркнуто: «злые, оплывшие, точно в водянке оплывшие, тупо здоровые рожи».

^с Зачеркнуто: «мысль, чувство, воля ее — ...».

— «Клистир ему ставили?.. Ставьте!...» — и прочь отбежал, чтобы оцепенеть: глаз — бараний, пустой!

Аведик Дереникович знал: — диагноз устанавливает; интуиция действует с молниеносной силой: почтенное имя, профессор:

— «Плох, плох — гу лэ в у?»^а

Поговорка, которой кончались прогнозы; «плэ т'иль»^б, «гу лэ в у», — говорил ассистенту, больному, себе самому, задрожавши игриво ногою и спрятавши руки в кармины; она — означала: составлен научный прогноз; и теперь место есть для стечения мыслей игривых о ближнем, который и есть «гу лэ в у», потому что нормальная мысль пациента и так, вообще, человека — блудлива и ветрена. Сам Николай Николаич глумился над ближними, тонкинуаз распевая и ровно в двенадцать часов по ночам¹⁰⁸ с Львом Михайловичем¹⁰⁹ воскресая в Кружке¹¹⁰, где в железку¹¹¹ он резался с князем Сумбатовым-Южиным¹¹².

Вставив клистир в Пертопаткина, целился он: на кого бы напасть:

— «Вышел за карасями: удить!» — говорил Пятифифрев, — «червя им покажет; разинут рты, — цап: и сидят с пузырем на башке они».

— «Каждый — в позиции!» — мыслил Пупричных — «тот — козырем; тот — с пузырем».

Николай Николаич, нацелясь на бледного юношу, из-за куста к нему — ястребом:

— «Вы, Болеслав Пантукан, — кто же собственно?»

— «Я — конехвост!»

Николай Николаич — трускою, трусцой: в каре-красные листья:

— «Течение болезни — нормальное: бром, чистый воздух, физический труд; восстановится».

Поле огромное для наблюдений; к примеру: Хампауэр старик, в тормошах шерсти белой — в халате: крещеный еврей, состоятельный, но паралитик, влачащийся на костыле, с фронтовой полосы по доносу захваченный, чуть не повешенный, — явно рехнулся; с усилием перевезли его дети в Москву; ходит здесь; проповедует свое пришествие.

— «Нам хорошо с вами, батюшка: мир-то — во зле».

Так он овощ откусывая, приговаривал; стибривая несъедобные овощи, их называл «мандрагорами».

— «Бросьте: опять с мандрагором», — его урезонивали.

С сожаленьем бросал.

^а Вместо «вулэ в у» — по смыслу: не угодно ли (прим. АБ).

^б В точном переводе: нравится ли вам; в обычном употреблении — вопросительное «что» с оттенком «не угодно ли», «извольте видеть» (прим. АБ).

Серафима Сергевна себе улыбалась: осмысленность службы в сравнении с тем, что там делалось, ярко вставала; там — мир темный: в зле¹¹³; побежала в подъезд, коридорами, за нарукавничком, за белым фартучком; звали больные Снегуркой ее; как повяжется, так день взпахы; всюду бегают: чистые скатерти стелит; и знает, что можно окуроч просыпать на стол — не на скатерть: конфузно; и делалось как-то за скатертью крупное дело: уже не сорили себя в разговорах они.

30.

Лучезарно встал сад пурпуреющими, просвещенными кленами: в неизъяснимое небо; боярышник яростный — рой леопардовых пятен; лилово-вишневый — вишневый лист до... золотистого воздуха яснился, слетом ложась под зеленое золото бледных берез, где оттенками медными ясени нежили глаз цветом спелого персика, перерождаясь в карь гари.

Присев к Пантукану с охапкой листов, Серафима Сергевна учила его:

— «Ясень — ясен: прекрасен; а вишня — сквозной перелив; посмотрите, каков колорит? Но в два дня облетит колорит, как бумажка сгорающая: грязью станет».

В сиренево-сером своем пальтеце, в разлетевшейся шали, кисельно-сиреновой, пляшущей в перемельканье, — вся милый задор — улыбалась и сравнивала:

— «Вот — боярышник: вычерчен точно и прочно; крап — красный, в коричнево-черном и в темно-зеленом, бледнеющем до перламутрового, — как полотна Грюневальда, немецкого мастера; это, перловое, в черно-коричневом мраке — Рембрандт», — отдалила она от себя этот лист и, склонившись головкой овальной, разглядывала:

— «Настоящее масло; а ясень — сангина¹¹⁴; и коли желаете без галерей изучить итальянцев, то, миленький, глазом улавливайте земляничные листики: легкие листики эти даны нам в сквозном Рафаэлевом свете»¹¹⁵.

В глазах закотившихся — только белки от разгляда: себя же — в себе; диагноз устанавливала, на каких колоритах лечить эту душу.

— «Романтика без воли к мысли», — шутил Николай Николаич, — «вполне безобидная глупость... Работает, больных не портит: плэ т'иль?»

Ошибался: раскал до белá интеллекта влагала в сознание чистыми играми в листики; личико с мило малиновым ротиком, с очень задорным и розовым носиком тихо скосила; глаза — лазулитами¹¹⁶ стали:

— «И вот: собирайте, разглядывайте; колориты, в глаза излитые, ложатся, чтобы без истории живописи самому узнать, что в ней важней, чтобы точно понять: для чего надо знать!»

Не кругла, но не нитка, — овальное личико; носик — не виделся: произведение Праксителя, — правильный, легкий, прямой; прямого то дышала.

Из зелени светлой ожелченных светлых деревьев, в бело-сером и в бело-серебряном небе день делался вечером; листьев — набухшая пуча в набухнувших кучах; вон дерево темно-зеленое, с отсветом серо-серебряным бросило желто-оливковый плащ своей тени на выступ деревьев, ярчеюший, солнечно-желтый; за ним — уже розово-ржавое дерево: в сером тумане вставало едва; и оно стало розовым, как запарело: от пруда.

В тених Серафима Сергевна развесила висмут: с лекарствами стол в световых косяках; ей же в спину глядел коридор; и там слышалось, как выключатели щелкали; в ламповых стеклах выскакивал белый, холодный отчетливый блеск, — не огонь.

Порошок рассыпала, вздрогнув; и беличьё что-то вдруг выступило:

— «Плечепяткин, — меня испугали вы», — личико стало котеночком.

— «Вас зовет Пантукан: лист бумаги замазал».

— «Какой недогадливый вы: ночь рисует».

Невидная глазу улыбка всего существа:

— «Он размазывал ужасы красочные: ночь не спал; я просила его счернить ночь мне».

Улыбкою ставши самой — к Пантукану.

Предметы прозрачные глазу не видятся; многим не виделись: все; следила за жестом руки, зачерняющей лист:

— «Тушевание — важное дело».

Нельзя было прямо понять: красота от добра, иль добро красотой рождалось; то и другое — путем становилось: путем фельдшерницы.

Шурк, топоты: ближе и ближе.

И — видели: по коридорам, ломаясь броской походкой, бежал Николай Николаич за пузом своим; за ним — пять ассистентов, подвзанных фартуками, со всех ног удирали; влетев, Серафиму Сергевну, — застигли врасплох.

— «А, рисунки», — шепнул Николай Николаич — «за счет интеллекта...»

— «Так — клизму: научное знание, бром, чистый воздух, физический труд восстановят ему друа де л'ом», — напевал Николай Николаич; и пяткою терся о пол:

— «Гулэ ву?»

Подписав приговор, вид имел добродушного лося.

Бедром и икрою ноги нервно вздрагивая, точно кожей лошадь, сгоняющая оводов, — припустился бежать; и все пять ассистентов, как оводы, с жужем и шуршем, — за ним припустились: бежать и влетать в номера: —

— номер два!

— номер три!

— «Ну теперь, — вы уснете»^а.

В своих нарукавничках, в фартучке беленьком, малой малюточкой светлым, пустым коридором пошла, где направо, налево захлопнули жизнь среди стен сероватых (с каемкою синей); пространство пласта-лося планиметрически; знала, что плющились люди, воссев на постели; и плющились рядом халаты; бродила в мертвецкой: свершать вос-кресенье.

Не виделось, что интеллектом и волей она столь владела, что — делалась вовсе невидимой в них: —

— номер пять,

— номер шесть,

— номер семь!

31.

Все казалось, откроется дверь и влетит к нему, цапая по полу ла-пами, Томочка, понтер коричневый, с желтой грудью и с шишкою; похоронили они не его, а собаку; ему же — намылили голову; да, — была баня; рой снов в его памяти складывался:

— «Я, взять в корне, — кто? Каппкин?.. Профессор Коробкин», — потер руки он от прекрасного знания, что формуляр, им отысканный, вводит его в овладение собственным именем, отчеством, званием и обладанием крупных заслуг пред наукой российской.

— «Очень приятно-с!»

Так (он повернулся к квадрату окошка раскрытого), с «неба с ой дья» роем звезд, составляющих атомы тела к крыльцу Табачи-хинского переулка, открыл выключатель, чтоб вспыхнуло то, в чем он жил: «И с числение Каппа»; во дни юбилея ему подарили ка-кую-то звездочку «Каппа»; обычай такой существует; и даже планет-ке не стыдно сплошной «Глазенапой» вертеться, когда Глазенапу, ас-

^а Зачеркнуто: « — ласкала глазами».

троному¹¹⁷, дарят ее; пусть она — «Глазенапа», он — «капкин»: зовите, как знаете:

— «Да-с!»

«Исчисление Каппы» — действительность математической этики и социологии — писана им; сказать правду, еще не дописана: вписана в мозг.

Отмахнув этот факт, несомненный, как стул, на котором сидишь и который не видишь, отдавшись абстракции, носом воткнувшись, как в муху, в нее — входил в жизнь: так актер входит в роль, ее даже не зная (суфлеры подсказывают); «плюс» нормальной, семейной, профессорской жизни увиделся; «минус» — трагедия, им пережитая, черною ямой, заплатой на память легла: память с дырочкой, как и глаза (один — дырочка).

Черт подери, — имя, отчество этой, сказать с позволения, дамы, стоящей при нем — в нарукавничках, в фартучке: ротик малиновый, личико мило овальное, лилово-вишневое, платье; ей он лукаво подшаркнул:

— «Ну — вот-с: говоря рационально, и я!»

Так он сразу в обязанность влопался: собственной личности руль — в руки взять: —

— и на плохом самокате ездок едет; он же — прекрасный ездок; интеллект, крепко взяв аппарат, на который он сел, в свои руки, — поехал на нем: дипломат прелукавый.

— «К услугам!»

— «Ну что, мой родной?»

Он — заплатою черной — в звезду, а зрачишком — в сестру; и ведь — вывернулся, скрыв изъяны, еще существующие, выбрав тею теоретическое рассуждение:

— «Оставьте кусок камфары; и придите к нему через месяц: где он? В корне взять, — улетучился... Так вот и я».

Заходил, перешлепывая по паркету, протертые кисти подвязывая:

— «Улетучился в думы».

— «Вы бром примите».

— «Я так полагаю:» — порявкивал — «в четырехосной системе Минковского^{а/118}, где время, «Т э»^б («Т э» большое), иль точка сече-

---

^а В представлении Минковского и других физиков тело определяется не тремя пространственными осями, а четырьмя; четвертая ось — линия времени (*прим. АБ*).

^б В обычном обозначении буквою «Т э» изображают время: профессор Коробкин берет начало времени в точке начала координат (обычное взятие — в линии, не имеющей начала, в «тэ» малом по профессору) (*прим. АБ*).

нья трехосного тела» — чертил разрезалкой — «с четвертою осью, иль — с линией времени» — бросил свою разрезалку (ее же поймал) — «быстрее мига, сознанием пересекающего расстояние», — выкинул он разрезалку рукой за окно, указавши на лучик звезды — «которое определяет».

Прислушался к шуму застенному: кого-то мучили; голос гнусавый с «п л э т' и л ь»: издевался. Профессор наморщил свой лоб:

— «Шут ломается», — бросил брезгливо: лоб тер:

— «О чем я?»

— «Вы? О линии времени и о начале его в точке пересечения координат...»

И — довспомнил: к столу подбежал начертать знак числа:

— «Чтоб представить его», — показал — «надо взять единицу и к ней приписать тысяч восемьдесят миллионов нулей».

Тут отставивши ноги и бросив в пространство халатную кисть, он вознес разрезалку, как скипетр:

— «Такое-с число пишется в два миллиарда лет, коли писать день и ночь»^а, — как серьгой с переиграми, — глазом блеснул; и потухнув, подставив глазную заплату и шрам, пережил он число, им представленное в миллиардах лет жизни, осиливаемой черчением ноликов — взад и вперед — в коридоре больницы (за этим занятием пойман с поличным — тому назад с год); пробежал коридор бесконечности дважды (туда и назад) меж двух жестов руки Серафимы Сергевны, протянутой к скляночке с бромом, и скляночку эту на место поставившей; в точку сечения трехосного тела с четвертою осью ушел, точно в дырочку: с дырочкой в памяти!

В дырочку эту проколом сияла звезда (это вспомнилось вдруг!):

— «Серафима... — Простите пожалуйста: отчество я позабыл...»

— «Серафима Сергевна...»

— «И я говорю: Серафима Сергевна... Вы спрашиваете, как я?»

В «Тэ» большом, говоря рационально, — как в центре звезды: этой вот-с — показал за окно разрезалкой, откуда — серебряно-синий издрог бриллианта пятилучевого, распятившего в мировое пространство свое содержание: свет и тепло.

— «А в «тэ» (малом), в линейном, — я здесь: у окна-с, под звездою, под этою-с...»

---

^а Символ такого числа имеется (прим. АБ).

Сел, запыхавшись; и — долго молчал.

Серафима Сергевна смеялась здоровым, грудным своим смехом: здоров будет! Тихо оправила скатерть, предметы расставив: уют навела с практической, тихой силой; как месяцем, все осветилось ее ясным мнением:

— «Чай вскипячу...»

Ее голос воркующий долго звучал в коридоре из номера «с е м ь»; и больной, «н о м е р с е м ь», развивал свои новые взгляды на, так сказать, мир; к разговору рачком, очень черным, пришел таракан; сел у ног их, свой ус философский поднявши; профессор бросал ему крошки, задумавшись над мемуаром Эрмйтовым¹¹⁹, преображающим функции Абеля^{a/120}: в функции жизни аритмологической; тени, родные ему, встали вдруг: Эйзенштейн, Гаусс, Кэли, Фробениус^{b/121}.

А таракан крошки ел.

.....

Это было тому назад год; с того вечера памятного началась дружба их.

32.

С выздоровлением в месяцах ясность расплавленных, диалектических числоворотов, немислимых функций и Абелевых интегралов ствержалась в параллелепипед¹²², в котором откладывалось бытие материальное: бытом и памятью; неразрешимейшее в радикалах свое уравнение он разрешал начертательно, геометрически, форму откладывая и ее наполняя уже электронными качествами веществ тела (заряд отрицательный); «м и н у с» Коробкиным видел себя: «п л ю с» Коробкин, себя давши в качествах, диалектически, или расплавленно, тек «и с ч и с л е н и е м К а п п ы», которое к Лейбницеву и к Декартову он приобщить собирался:

— «Рассеянность, — черт подери!»

Этим он объяснял дыру в памяти; и приходилось: переориентировать, заново, — всю биографию: детство, Кавказ, надзирателя, — до доцентуры, женитьбы, рождения Наденьки; ну, — и так далее; далее: ясный кусок; и — провал; снова: ясный кусок; и — провал; в месте этих провалов — лишь память о памяти, или — заплатка; под нею таились: — открытие, им совершенное, слежка, Мандро и ночь пыток;

---

^a Нильс Абель, знаменитый норвежский математик, работы которого — этап в новой математике (аритмолог) (прим. АБ).

^b Ученые, двигавшие историю математики (прим. АБ).

додумался он до того, как попал в этот дом: шибануло оглоблею до сотрясения мозга.

Его навещали.

Пришел Задоятов:

— «Уф, — сам я стал одр: умерла Анна Павловна».

Он — не расслышал.

— «Будь бодр: чего доброго, — встанет твоя Анна Павловна».

— «Да умерла, — говорю».

— «А?... Взавши в толк».

И — умолк.

Приходила сюда Василиса Сергевна:

— «Мы — что; мы — живем: а вот Надя твоя долго жить приказала...»

— «Что ж: я поживу еще...»

Видно, — не понял.

Вдруг — понял он:

— «Наденька?...».

— «Как?»

И из глаза, единственного, — в три ручья!

Громко фыркая, плачась, что вот он — один и что некому плакаться, протопотосил с неделю под дверь; и выплакался, положив сидушку, на колени: к сестре.

Лир — Корделию встретил.

Плаксивый период прошел.

С того времени в памяти рылся: расспрашивал:

— «Ну, а Цецерко-Пукиерко, черт побери, — что и как?»

Василиса Сергевна:

— «Ах, — не говори: скрылся Киерко твой; след простыл; писал — в “Искре”¹²³».

— «Все умерли, — что ли?»

И глаз — вспыхнул искрою; не избежать горькой доли; и глаз —

— погас!

Каждый из нас, вспыхнув искрой, знать, гасит свой след —

— в бездне

лет, —

— испарясь, как вода.

— «Да!»

Без дна — времена!

И по памяти он заметался кругами: года улепетывали, как испуганный заяц; и он припустился в бежавшее время,—

— испуганный заяц!

33.

День падает.

Свет — ясно желт: канареечен; серая, каре-кофейная тень; только дальних домов ярко-желтые призраки нежно чистеют: медовыми окнами.

Из-за багряного рденья деревьев, как кровью окрашенного, встал сутуло профессор, зажмурив свой глаз, как от солнца, и нос вытирая платком носовым.

Из-за лавочки —

— оцепенелое тело в шинели расхлястанной
вспухшими, смуглыми скулами гнулось на озол-
щенный лучами костыль, сжатый тупо в захлестан-
ных пальцах...

Профессор зрчком, затолкавшимся в веко биеньем сердечным, кивнул головою, как будто он гостя высокого

встретил: —

— все — серое:

щеки, щетина и рот защемленный, и лоб костяной,
в синих жилах, и глаз застеклелый, как у судака за-
мороженного: глаз — не видит; губа же, подсох-
нув, засела в усах; усы — белые, жесткие, точно
две грабли, бросаются на седину; тормози и ерши
встали дыбом — в все серое; только —

— костыль,

золотой от луча —

— да

коричнево серые пятна расхлястных листьев от
жерди, как кровь пересохшая, выступившая на
грудь, из него же: из жилы, из синей; сам, как обес-
кровленный труп, глухо рухнувший в гроб...

— «Что такое?»

Профессор, главу опустивши, внимал себе, точно другому.

Вдруг —

— трупы не плачут! —

— из белого, из остекленного глаза — слеза человеческая в веке — видит он — виснет: отблещивает стекляньющим перлом.

Слезе поклонился профессор: —

— такое страдание, — рыдающее без рыдания у рта закихикавшего!... —

И страданьем, как палкой, ударило; и задрожал, как сраженный, профессор Иван; и уставился остановившимся глазом он в облачко: —

— пепельно
влеплено в голубо-серое, в серо-синявое небо.

Да, явный столбняк: и х о б о и х .

И вдруг со спины, как о давнем, отстраданном, — память (как память о памяти) — об избытом, о забытом, испытанном терпкою болью и выжженной кровью; —

— как отклик:

— «Я — сам это!» —

— Дерево, вон, заревое,
румяное, издали виснет: из
мороза ясного!

— «Вы, извините пожалуйста, — кто?»

— «Я?... Иван?...»

— «Вы — о чем?»

— «Да — о том: об одном».

Тут профессор зажмурился, тихо внимая себе, как другому:

— «Я — есмь!»

Атом атомов, солнечность солнц — из земли, моей собственной, вспыхнувшее:

— «Ты — еси!»

И свой лоб поднял он на морщинах, как на вознесенных руках.

— «С кем?... С чем?... С ним?... С ними всеми?... Один — за всех них?...^a»

Глазом брызнул из век, точно Вечность, иль память о памяти, выплеснувшись лишь мгновенье:

— «Все, все, — это тело; я — тело: Само! —

И со всем, что ни есть!»

Ответ → есть.

Оба — плакали!

^a Зачеркнуто: «Все за одного — все?».

Весть о весте, сквозь весть, как бы ветер сквозь ветер; и он, и сидящий — в сплошном, понимаемом «с о»: всех сочувствий, сознаний, совестий, и совестей; оба — о боли, им общей, в им общей неволе, о доле далекого поля —

— с телами, —

— с распластанными!

И себе, как другому, отвесил глубокий поклон он, коснувшись пальцем земли: слову собственному поклонялся:

— «Есмы — состраданье!» —

— Два вестника, ринувшись, как две звезды, разгораясь, навстречу друг другу, чтоб слиться в пожар световой! —

— И — как

бы кипяток вместо сердца, где — встреча двух вестников: памяти из-за спины (о себе, о своем, уже выстраданном); и — из будущего: о будующем —

— Я —

— Мы —

— в новом, в будущем, в душу будующем: —

— в Я — м ы !

.....
Только старый калека, Хампауэр Иван, чуть было не повешенный старый еврей, встав, плечо положив на костыль озлащенный, пошел от него сквозь зарденье деревьев: пропал.

.....
Память — ямы не вскрытого света: одна за другой открывались, тела выпуская: —

— миллионноголовое горло, не жерла орудий, которыми рвались брюхи, груди, рты: с поля мертвого приподымалась глава перетерзанного с диким, грязью заклепанным ртом; она — ахнула с поля, в котором сгнила; и за ней поднималось тело из желтого облака хлора, грудь евшего; —

— сам отстрадал

уже, а все

другие — страдали: с а м о —

— с о —

— стра —

— да —

— ни —

— е —

— в «со» и в «да»:

— вспыхнуло!

О, бесталанное слово!

«Да» — точно удар по затылку (слом черепа) — молотом: выжженный глаз, рот разорванный, пыльная тряпка, которой заклепано горло; и — вспых; «со», как наковальня: вспых из сердца, которого нет (еще будет) — любовь не затепленная: «стра» — и вспыхнула многолучевая^а звезда, со звездой сочетавшись: созвездье двух звезд...

Близнецы!...

.....

Тут, как выскочит из-за кустов — шут гороховый в желтом и сером, да — в спину ему:

— «Думцы думают, дурень Иван думу вздул, как индейский петух: в зоб идет дума эта; и — то: борода растет густо, а нос — как капуста: ум — пусто!»

Профессор же, как обернется, и пальцем как щелкнет под нос, расплеснувши халат и забросив за спину свою разрезалку: крестец почесать:

— «Я — Иван: да не дурень!»

Распятивши ноги и руки (от этого полы халата, как крылья тропической птицы, взлетели), — как гаркнет:

— «Я, брат, — всем Иванам Иван!»

Запахнувшись полой, вид имея не то дурака полосатого, не то тибетца, как в бой барабанов пошел он: вперед.

И в сквозном, в леопардовом всем^б из заката — изогнута: ясного глаза там ясная бровь.

34.

Пестроплёкий оранжевыми, сизо-синими, голубоватыми пятнами складок халата из ультра-лиловой он шел в инфракрасную полосу

— по семицветию спектра —

— листов облетающих, вид же имея тибетца, скрепяся до каменного, землей сжатого, угля (вполне алмазтовый!), и разрешая вопрос овладения междуатомным теплом, своим собственным: —

— внутреннюю теплоту своею!

---

^а Зачеркнуто ручкой: «остро пылающая многолучевая...»

^б Зачеркнуто: «в леопардовом небе всем...».

Что делалось с правым очком, — неизвестно: заплатою черною он занавесил его.

Он ходил занавешенным.

Ободы облак окрасились странным, оранжевым жаром; и воздух стал красною свежестью: в нем же.

Вдруг зов:

— «Я ишу вас, — профессор!»

В сиренево-сером фигурка малютки, Снегурочки, с личиком милым, с малиновым ротиком: в мысли о нем.   * *

Мысль, —

— снежиночка чистая, —

— в сердце скатясь,

став слезой, как жемчужина,

павшая в чашу, —

— так екнула в ней ясным жаром;
овеяло личико ей, точно ровным и ровным паром...

Два ветра, два вестника: прошлое с будущим!

Два близнеца!

А небесная мысль повисала из неба меж ними: звездинкой.

Молчал даже в россверках левый зрачок, о чем правый зрачок не сказал еще, скрытый заплатою.

И светорукое солнце лучилось невидимо из красноглавого облака; и синерукий восток поднимал свою тускль.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

Кучино. 31 октября. 28 года.

¹ Из поэмы «Руслан и Людмила» (1817–1820).

² Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — военачальник, в Первую мировую войну командовал армиями и фронтами, был в составе Государственного и Военного Советов. Расстрелян.

³ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — государственный деятель, в Первую мировую войну занимал ведущие посты в правительстве: министр внутренних дел, иностранных дел и т.п.; с января по ноябрь 1916 г. — Председатель совета министров. Воспринимался как ставленник Г.Е.Распутина. Немецкая фамилия Штюрмера провоцировала ненависть к нему и подозрения в действиях в пользу Германии.

⁴ В швейцарской деревне Кинталь 11–17 (24–30) апреля 1916 г. проходила 2-я международная конференция социалистов-интернационалистов (первая — в 1915 г. в деревне Циммервальд). На ней одержали победу идеи В.И.Ленина: были приня-

ты антивоенный манифест и другие документы, призывавшие к борьбе против мировой войны как империалистической и несправедливой.

⁵ Имеются в виду неоднократно предпринимавшиеся на протяжении всей Первой мировой войны попытки русской армии продвинуться на австрийском фронте, перейдя через Карпатские горы. Деревня Торчин получила известность в связи с наступлением 1916 г. (так называемый Брусилловский прорыв): в окрестностях Торчина закрепились, а потом двинулись дальше, на Ковель и Львов, русские войска. Однако и этот прорыв закончился отступлением войск на исходные рубежи, которое сопровождалось большими потерями.

⁶ «Брат, брат, что это?» (нем.).

⁷ Крепость Новогеоргиевск (недалеко от Варшавы) считалась одним из наиболее укрепленных и надежных форпостов российской армии. Ее падение в августе 1915 г. — во время масштабного немецкого наступления — остро переживалось русским обществом, считалось одним из тяжелейших и неожиданных поражений России, вызванных промахами командования. По словам современника — генерала В.Е.Борисова, являвшегося доверенным лицом начальника Генштаба генерала М.В.Алексеева, последний отказался отступить и оставить Новогеоргиевск, не дожидаясь его захвата противником: «Алексеев ответил: “Я не могу взять на себя ответственность бросить крепость, над которой в мирное время так много работали”. Этот город смог обороняться всего четыре дня. Это произвело на Алексеева сильное впечатление <...>: “Очень больно для государя и народа”» (цит. по: Куликов Ю.Н., Куликова О.Ю. *Настроения русской армии и тыла в первой мировой войне // Первая мировая война: История и психология*. СПб., 1999. С. 59). Ср. записи французского дипломата М. Палеолога за 18 и 20 августа 1915 г.: «Сегодня ночью, после ожесточенной атаки, германцы заняли Ковно. У слияния Вислы и Буга, они взяли штурмом выдвинутые укрепления Новогеоргиевска <...> говорят об измене со стороны немецкой партии <...>. Крепость Новогеоргиевск, последний оплот русских в Польше, в руках германцев. Весь гарнизон, приблизительно 85000 человек, захвачен в плен» (*Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 199).

⁸ Вырубова Анна Александровна (1884–1964, урожд. Танеева) — фрейлина и личный друг императрицы Александры Федоровны, одна из самых ярких сторонниц Г.Е.Распутина, посредница между ним и царской семьей.

⁹ Великий князь Николай Николаевич (1856—1929) — с начала Первой мировой войны верховный главнокомандующий русской армии, в августе 1915 г. отстранен от этой должности, назначен наместником на Кавказе и командующим кавказскими войсками.

¹⁰ Самая почетная солдатская награда, выдаваемая за мужество и доблесть, проявленные в боевых действиях. Серебряный крест с Георгием Победоносцем в центре был учрежден как знак отличия Военного ордена в 1807 г. и выдавался изначально только солдатскому составу (в отличие от самого ордена — награды офицерской). Георгиевским крестом знак отличия военного ордена стал официально называться в 1913 г.

¹¹ Древняя столица Византии — город Константинополь (Царьград) — в 15 в. был захвачен турками и переименован в город Стамбул. Православная Россия, ощущающая себя наследницей византийской традиции, со времен Екатерины II

стремилась вновь превратить Стамбул в православный центр, «восстановить крест на Святой Софии». В Первую мировую войну захват Стамбула—Константинополя являлся одной из главных стратегических задач России. Лозунг «Константинополь должен быть наш», отражавший как религиозные, так и имперские амбиции России, поддерживали и в правительственных кругах, и в среде думской и земской оппозиции. Подробнее см.: *Емец В.А.* Проблема черноморских проливов во внешней политике России в период Первой мировой войны // *Россия и Черноморские проливы (VIII—XX столетия)*. М., 1999. С. 305-353.

¹² Земец — здесь: деятель Всероссийского земского союза, объединившего земские учреждения различных губерний для совместной централизованной работы по снабжению армии и помощи раненым (учрежден 30 июля 1914 г. в Москве и возглавлялся князем Г.Е.Львовым, впоследствии ставшим первым председателем Временного правительства). Вскоре Всероссийский земский союз объединил свои усилия с Всероссийским союзом городов (учрежден 8–9 августа 1914 г., возглавлялся М.В.Челноковым), и 10 июля 1915 г. был создан объединенный комитет союзов земств и городов — «земгор». Служащих «земгора», получавших освобождение от воинской службы, но при этом носивших специальную форму, напоминающую военную, насмешливо и презрительно называли «земгусарами».

¹³ Фош Фердинанд (1851–1929) — французский военачальник, маршал. В Первую мировую войну командовал армиями, группами армий, с апреля 1918 г. — Верховный главнокомандующий союзными войсками, завершивший разгром Германии.

¹⁴ Хапаранда — город в Швеции, на границе с Финляндией, которая входила в состав Российской империи. Там находился погранично-пропускной пункт, через который въезжали из Европы в Россию.

¹⁵ В Могилев-Губернский в августе 1915 г. была перенесена (из Барановичей) царская ставка, в которой сосредоточивалось командование русскими войсками. Специальный поезд курсировал из ставки в Петербург и Москву.

¹⁶ Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918) — известный журналист и переводчик, агент и сотрудник Департамента полиции, авантюрист, замешанный в политических и банковских аферах. В Первую мировую войну стал человеком, приближенным к Распутину и Штюрмеру, то есть принадлежал к «правительственной партии власти». В 1916 г. был принят на службу в Министерство внутренних дел. Расстрелян.

¹⁷ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк и политический деятель, один из организаторов и лидеров партии кадетов, идейный вождь думской оппозиции; во Временном правительстве — министр иностранных дел.

¹⁸ «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» — газета деловых кругов, выходила во Франкфурте-на-Майне.

¹⁹ Намек на Михаила Федоровича Ликиардопуло (1883–1925), критика и переводчика, секретаря журнала «Весь». В Первую мировую войну М.Ф.Ликиардопуло сотрудничал в газетах «Утро России», «Речь», ездил в качестве корреспондента по воюющей Европе, печатал фельетоны, пользовавшиеся большой популярностью у читателей.

²⁰ «В Z»: «Berliner Zeitung am Mittag» — название дневной берлинской газеты.

²¹ Мнение о влиянии Распутина на высшее церковное руководство было широко распространено. В 1917 г. «во время руководства Синодом [В.Н.] Львовым были уволены на покой епископы, наиболее запятнавшие себя связью с Распутиным» (*Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 37). В их число попал и митрополит Московский и Коломенский Макарий (М.А. Невский; 1835–1926). См. отзыв об увольнении митрополита Макария на покой, данный патриархом Тихоном: «<...> если бы всеми уважаемый старец-митрополит и был виноват в том соприкосновении со “старцем” Распутиным, в котором его обвинял <...> Львов, не ему все же выступать с обличениями <...> и топтать ногами на святителя» (*Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 45).

Однако наиболее одиозным «распутинцем», также уволенным в 1917 г. на покой, считался митрополит Петроградский Питирим (П.В.Окнов; 1858–1921). Ср.: «<...> много было разговоров и о митрополите Питириме, будто бы назначенном Распутиным. Государь познакомился с ним в 1914 году во время посещения Кавказа. Митрополит Питирим был тогда экзархом Грузии. Государь и свита были тогда очарованы им, и <...> я помню, как Государь говорил, что предназначает его при первой перемене митрополитом Петроградским» (Фрейлина Ее Величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 178).

²² Аллюзия на известное стихотворение ирландского поэта Ч.Вольфа в переводе И.И.Козлова (1825) «На погребение английского генерала сира Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком, / Когда мы вождя хоронили...»). Ср. аналогичную отсылку в романе «Московский чудак» в сцене смерти Томочки-песика: «Томку несли зарывать, а профессор Коробкин, оставшийся в доме, им рывкал в окно: — “Не бил барабан перед смутным полком, когда мы... — споткнулся он: пса хоронили”...» (*Белый А.* Москва. М., 1989. С. 79).

²³ Мазурские озера (болота) стали символом катастрофических неудач России в Восточной Пруссии: русская армия терпела там поражения и несла огромные потери во время сражений 1914–15 годов. «Когда 10 русская армия <...> подошла к линии Мазурских озер, она увидела перед собой запыленные снегом высолы, оплетенные многими рядами проволоки. Неудачные попытки прорыва укрепленной линии озер были объяснены данными частного случая — русские не были знакомы со способами борьбы против сплошных укрепленных полос <...>. Слабая артиллерия, полная, из-за болотистости грунта, неудача сапных и минных работ приводили к тому, что войска, сидя в окопах, теряли веру в свои силы» (*Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1938. С. 270).

²⁴ Румыния вступила в мировую войну на стороне держав Антанты только в августе 1916 г., причем неудачно: «События начали развиваться здесь с головокружительной быстротой. Интересы Румынского фронта непосредственно связывались с интересами Русского фронта, и для обеспечения своего фланга русское командование начало перекидывать сюда несколько корпусов, которые вследствие недостатка в железных дорогах прибывали мелкими частями медленно и не успели спасти Румынию, но обеспечили фланг русского расположения <...>. Румынское наступление принесло, таким образом, только отрицательные результаты, легло всей тяжестью на Россию и заставило ее оттянуть большую часть своих сил на второстепенный театр без возможности, вследствие слабой сети рельсовых

путей, скоро перекинуть их обратно» (Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 2. М., 1938. С. 94–95).

²⁵ Немецкий предлог «von», часто входящий в состав фамилий, и немецкий определенный артикль «der» обыгрываются здесь как символы всего немецкого, как знаки немецкого засилья. В этом отражается царивший в обществе страх предательства со стороны русских немцев, боязнь немецкого шпионажа.

²⁶ Тендер — прицепная часть паровоза для хранения запасов воды, топлива, размещения вспомогательных устройств.

²⁷ Здесь, возможно, Штюрмер имеется в виду не только как глава дарского правительства, но и как главнокомандующий отдельного корпуса жандармов. Этот пост он занимал с марта по июль 1916 г.

²⁸ Дорогомилловский (Бородинский) мост был построен к столетию Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения (автор Н.И.Осколков, арх. Р.Н.Клейн). Украшающая мост военная атрибутика и символика призвана была утверждать славу и победу русского оружия, что разительно не соответствовало реальности Первой мировой войны: описываемый Белым период озаменовался неудачами и отступлениями русской армии.

²⁹ Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918)* — русский генерал, один из виновников сокрушительного поражения операции 1914 г. в Восточной Пруссии: армия, состоявшая под его командованием, бесславно погибла в мазурских болотах.

³⁰ Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.Даля, лопарь — не тот, кто много ест, а — нехристь, бусурманин. Лопарями (самоназвание — саамы) называли один из народов, проживающих на севере Финляндии, России, Норвегии, Швеции.

³¹ В феврале 1917 г. к власти пришло Временное правительство (во главе с князем Г.Е.Львовым). Продолжая политику царской России, Временное правительство настаивало на том, что «Константинополь должен быть наш». Эта позиция нашла наиболее полное и публицистически яркое выражение в выступлениях П.Н.Милюкова, занимавшего во Временном правительстве пост министра иностранных дел. Большевики (и публицисты, писавшие впоследствии об этих событиях с коммунистической точки зрения) придерживались в этом вопросе иной точки зрения, считая, что это проявление империалистических чаяний русской буржуазии. Стремление к обладанию Константинополем Белый неоднократно высмеивал. Например, в поэме «Христос воскрес» (1918): «А из пушечного гула / сутуло / Проснулась спина / Очкастого, расслабленного / интеллигента. / Видна, — / Мохнатая голова, / Произносящая / Негодующие / Слова / О значении / Константинополя / И проливов <...>». См. также: *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 47, и прим. А.В.Лаврова — там же. С. 469–470.

³² Керенский Александр Федорович (1881–1970) — адвокат, политический деятель, 2 марта 1917 г. стал министром юстиции во Временном Правительстве, в дальнейшем занимал в нем посты военного и морского министра, с июля 1917 г. Керенский — Министр-Председатель Временного Правительства. Пренебрежительное название «керенки» получили выпускавшиеся Временным правительством казначейские знаки 20 и 40-рублевого достоинства. По оформлению они напоминали дореволюционные марки для оплаты консульской пошлины, не имели

номеров и обозначения серий, а также ряда других признаков «нормальных» денег. «Керенки» выпускались огромными тиражами и поступали в кассы, а потом и выдавались населению на гигантских листах неразрезанными на купюры. Эмиссия «керенок» началась не в марте, а в августе 1917 г.; до того Временное правительство ввело в обращение другие денежные знаки, получившие название «думских» денег. Подробнее см.: Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 181–184.

³³ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — военачальник, в Первую мировую войну командовал армиями и фронтами. 19 июля 1917 г. Корнилов назначен верховным главнокомандующим русской армии, выступал за ужесточение дисциплины, запрет митингов и забастовок, за введение в стране военной диктатуры. В конце августа 1917 г. происходит так называемый «корниловский мятеж»: Корнилов, выйдя из повиновения Временному Правительству, двинул войска на Петроград. Мятеж был подавлен, 2 сентября Корнилов был арестован. После Октябрьского переворота стал одним из организаторов Добровольческой армии.

³⁴ Согласно «Толковому словарю...» В.Даля, кареить — строить войско в квадрат, в «карей».

³⁵ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — либеральный историк и публицист, автор многократно переиздававшихся учебных книг по древней и новейшей истории; член кадетской партии, депутат 1 Государственной Думы от партии кадетов; насколько известно, в период Первой мировой войны и революций активного участия в политической деятельности не принимал, но присутствовал на собраниях, выступал с лекциями и статьями. Подробнее см.: *Кареев Н.И. Прожитое и пережитое* / Подг. текста, вст. статья и комм. В.П.Золотарева. Л., 1990.

³⁶ Партия левых эсеров (1917–1923) поддержала большевиков в организации октябрьского переворота 1917 г., но уже в 1918 г. большевики разорвали этот альянс и начали расправляться с бывшими союзниками.

³⁷ Новая экономическая политика (НЭП), допускавшая в определенных рамках частную собственность и реставрацию некоторых элементов «буржуазной» жизни, проводилась с 1921 г. (по решению 10 съезда партии) до конца 1920-х годов.

³⁸ Дэстре (Дестре) Жюль (1863–1936) — бельгийский политический и государственный деятель, член II Интернационала, в годы Первой мировой войны выступал за поддержку своего правительства; Октябрьскую революцию встретил враждебно. С «Жюлем Дэстре, социалистическим депутатом, другом известного Ван-дер-Вельде» Белый достаточно тесно общался в 1912 г. в Брюсселе (см.: *Белый А. Между двух революций*. М., 1990. С. 365).

Вандервельде Эмиль (1866–1938) — бельгийский социалист, руководитель бельгийской рабочей партии, с 1900 г. — председатель международного бюро социалистического Интернационала; в 1914 г. вошел в правительство. В 1905 г. в журнале «Весь» (№ 9–10) Белый опубликовал рецензию на книгу Э.Вандервельде «Идеализм в марксизме» (рус. пер. — Н.Новгород, 1905).

³⁹ Кадеты — члены конституционно-демократической партии (1905–1917), называемой также «Партией народной свободы». Кадеты составляли основу оппозиционного правительству Прогрессивного блока в IV Государственной Думе, оказывали большое влияние на деятельность «земгора».

⁴⁰ Файф-о-клок (от английского five-o'clock; букв. — пять часов) — принято в Англии чаепитие между вторым завтраком (ланчем) и обедом, то есть около пяти часов.

⁴¹ Пети-фур (от французского petit-four) — легкое пирожное; букв.: маленькое печенье.

⁴² Карлейль Томас (1795–1881) — английский историк и мыслитель-моралист. В конце 19 — начале 20 вв. его основные труды были изданы в России («Герои, почитание героев и героическое в истории» — 1891, 1898, 1908; «Прошлое и настоящее» — 1906; «Этика жизни. Трудиться и не унывать!» — 1906, и др.) и пользовались большой популярностью; свойственное Карлейлю воспевание героического находило отклик в кругах русской интеллигенции. Ср., напр., отзыв М.О.Гершензона в письме к брату: «<...> вместо слов «Москва. 28 февр. 1892. Пятница. 9 часов вечера» — я должен написать «Карлейль. Герои» <...> пишу под впечатлением лучшей книги, которая мне была нужна теперь и которая будет моим Евангелием, моей доброй вестью» (*Гершензон М.О. Письма к брату. М., 1927. С. 13*).

⁴³ Пэгу Адольф (1889–1915) — знаменитый французский летчик, давал показательные выступления в России, чем снискал себе особую популярность и славу. Ср. запись А.А.Блока от 11 мая 1914 г.: «Я иду на полеты Пэгу (Pegoud), делающего чудеса» (*Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 227*).

⁴⁴ «Эксельбанты» вместо «аксельбанты» фигурируют и в машинописи, и в первом издании романа «Маски» (М., 1932).

⁴⁵ Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) — критик, филолог, одна из ярчайших фигур литературного быта эпохи серебряного века. В Первую мировую войну добровольцем пошел в ополчение, потом служил в военной цензуре. В мемуарах Белый выражал благодарность Е.В.Аничкову за его содействие в напечатании и пропаганде романа «Петербург» (*Белый А. Между двух революций. С. 440*). Столь уничижительное упоминание его имени в «Пробуде» и впоследствии в «Масках» связано, по-видимому, с тем, что Е.В.Аничков эмигрировал. Уверенность мадам Тигроватко, что пакет во Францию будет им пропущен, объясняется, возможно, не только знакомством с военным цензором, но и явными профранцузскими симпатиями Е.В.Аничкова: в 1901 г. вместе с М.М.Ковалевским он принимал участие в создании Русской Высшей школы общественных наук в Париже, после революции некоторое время служил во французской армии. Кроме того, Е.В.Аничков с 1905 г. был членом масонской ложи и активным деятелем масонского движения.

⁴⁶ Подробнее об «Обществе свободной эстетики» (1906–1917), объединившем представителей московской творческой интеллигенции и поклонников «нового искусства» см.: *Белый А. Между двух революций. С. 194–199*, и прим. А.В.Лаврова — там же. С. 504.

⁴⁷ Буайе Поль (1864–1949) — французский публицист, преподаватель русского языка, директор Парижской школы Восточных языков. Белый неоднократно встречался с ним, когда был ребенком, и в 1906 г. в Париже: «<...> я раз пошел слушать Буайе: лет семнадцать назад Поль Буайе жил два года в Москве, изучая язык и бывая у нас, Стороженок и многих ученых; я знал его очень любезным, поджарым, веселым брюнетом; увидев седым, но таким же, как был, легкомыс-

ленным; он произнес очень общую, нехарактерную речь, наделил Мережковского роem эпитетов от «гениальный» до «всем нам известный» <...> чуть не сказал ему: «Месье Буайе, вы, конечно, не помните мальчика Борю, к которому вашего Жоржа водили играть». И, одернув себя, ускользнул, убоясь, что представят и в качестве «Белого» продемонстрируют и даже заставят стихи прочитать» (*Белый А. Между двух революций*. С. 164). См. также: *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 333.

Леже Луи (1844–1923) — известный французский славист, автор множества работ о культуре и литературе славянских народов (в том числе о России), возглавлял славянскую кафедру в Collège de France, преподавал русский язык в Сорбонне, в школе восточных языков, в высшей военной школе и др.; многократно бывал в России, печатался в Журнале Министерства народного просвещения, поддерживал тесные связи с русскими учеными, писателями, общественными деятелями (Каревым, Милюковым и мн. др.). Подробнее о нем см.: *Лавров П.А.* Памяти Л.Леже // *Известия II Отделения Российской Академии Наук*. 1923. Т. 28. С. 427–441.

⁴⁸ Имеется в виду «Grand Orient de France» («Великий Восток Франции» — влиятельная масонская ложа, ориентированная более на политическую, чем на мистическую деятельность. Именно «Великий Восток Франции» оказал наиболее существенное влияние на возрождение и развитие политического масонства в России первой трети 20 века. Подробнее см.: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990; *Серков А.И.* История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997.

⁴⁹ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — общественный деятель либерального направления, член партии «демократических реформ», историк, юрист, социолог, профессор Московского и Петербургского университетов, основатель Русской Высшей школы общественных наук в Париже, масон. С 1905 г. вел интенсивную работу по распространению масонства, приехал из Парижа с разрешением от французских масонов открыть в России ложи Вольных Каменщиков, что и сделал (см.: *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 18, 22, 164 и др.; *Серков А.И.* История русского масонства. 1845–1945. Гл. 1, 3). В мемуарах Белого М.М.Ковалевский изображается как «передовой европеец» (*Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 124; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 251) и участник тайного масонского заговора, замешанный в грязной политической «кухне» мировой войны (*Белый А.* Между двух революций. С. 283). Белый хорошо знал М.М.Ковалевского: он был другом семьи Бугаевых, шафером матери на свадьбе, частым гостем дома. Из детских воспоминаний черпается представление Белого о «легкомыслии» М.М.Ковалевского: «он все появлялся у нас за столом, наезжая в Москву из Европы: он стал европейцем <...> таким добродушнейшим он заливался смехом; и все говорят: — Добряк, весельчак, остроумец и умница, но — легкомысленный!» (*Белый А.* Между двух революций. С. 124).

⁵⁰ Художественные изделия (посуда, скульптура) знаменитого фарфорового завода, основанного в 1756 г. в городе Севре (близ Парижа).

⁵¹ Орден Почетного Легиона — французский орден, представляющий пятилучевый крест на пунцовой ленте; учрежден в 1802 г. Наполеоном.

⁵² Прототипом этого персонажа послужил Николай Николаевич Баженов (1857–1925) — профессор–психиатр, председатель Литературно–художественного кружка, общественный деятель либерально–кадетского ориентации, известный масон.

⁵³ Со 2 августа 1914 г. действовало постановление о прекращении продажи водки на период войны и о сосредоточении всего производства этилового спирта для технических нужд фронта и медицинских целей. «Один из величайших актов Государя во время войны, это запрещение продажи вин по всей России», — считала А.Вырубова (Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. С. 159), однако далеко не все придерживались такой точки зрения.

⁵⁴ Ср. примечание Белого к идентичному фрагменту текста в романе «Маски»: «Тонкиуз — французская шансонетка, модная в начале века» (*Белый А.* Москва. С. 765).

⁵⁵ «Miserere» — «Помилуй» («Сжался») (лат.) — католическое песнопение на мотив 50 (покаянного) псалма: «Miserere mei Domine» — «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои».

⁵⁶ Молосс, или тримакр, — античный стихотворный размер, состоящий из трех слогов, каждый из которых — долгий (ударный).

⁵⁷ Национальный головной убор, представляющий собой шапочку с четырехугольным верхом. Конфедератами в Польше в 18 веке назывались объединения шляхты, выступавшие за национальную независимость против иноземного (в том числе российского) владычества. В названии национального головного убора сохранилась идея оппозиционности и независимости, приобретшая в период Первой мировой войны особую актуальность: Польша была поделена между тремя воюющими государствами (Россия, Германия, Австрия), и проблема ее целостности, автономности и вообще дальнейшего исторического пути обсуждалась в правительстве, в кругах оппозиции, в обществе.

⁵⁸ Черногоренки — имеются в виду дочери черногорского князя Негоша (впоследствии, с 1910 г. — короля Николая I) — Анастасия, Вера, Елена, Милица. Две из них — Анастасия (Стана; 1868–1965) и Милица (1866–1951) — жили в России и были женами великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича.

⁵⁹ Меллер-Закомельские — известный дворянский род; на политической арене первой трети 20 века активно выступали два представителя знатной фамилии: барон Александр Николаевич Меллер-Закомельский (1844–1923), прибалтийский генерал-губернатор, и барон Меллер-Закомельский был известен как жестокий царский чиновник, блюститель порядка и враг анархии, а В.В.Меллер-Закомельский — как либерал и «общественник»: в 1915 г. он Владимир Владимирович Меллер-Закомельский (1863–1920?), председатель Петроградской земской управы. Оба являлись членами Государственного совета, но А.Н.возглавил бюро оппозиционного правительству Прогрессивного блока.

⁶⁰ Гессенская муха — насекомое, питающееся соками растений, вредитель хлебных злаков. Здесь — намек на происхождение императрицы Александры Федоровны (1872–1918), урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской, и ее немецкую родню: брата — Великого герцога Гессен-Дармштадтского и др.

⁶¹ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — политический и общественный деятель, член 3 и 4 Государственных Дум; первоначально был одним из видных деятелей думской оппозиции, однако в 1915 г. стал приверженцем монархии и «распутинцем», вошел в правительство, а в декабре 1916 г. был назначен министром внутренних дел.

⁶² Распопа — поп-расстрига.

⁶³ Acidum (лат.) — кислота.

⁶⁴ Venena (лат.) — яды.

⁶⁵ Октябристами называли членов партии «Союз 17 октября», образованной после объявления царского манифеста 17 октября 1905 г., которым ограничивались права монархии и учреждалась выборная Государственная Дума. В Первую мировую войну октябристы занимали влиятельные позиции в Думе и блокировались попеременно то с оппозиционным правительству и царю кадетами, то с монархистами.

⁶⁶ Фомка — «небольшой одноручный лом, которым воры замки ломают» (В. Даль).

⁶⁷ Так в просторечии называли Орден Святой Анны 4-ой степени, которым награждали офицеров за храбрость, проявленную во время боевых действий. Знак Ордена носили на эфесе сабле, на красном темляке.

⁶⁸ Sic transit gloria mundi (лат.) — так проходит земная слава.

⁶⁹ Скорее всего, имеется в виду «Экономическое общество офицеров Московского Военного округа» (ул. Воздвиженка, д.10).

⁷⁰ О значении «бюста Лейбница» в системе образов романа «Москва» см. в нашей статье «Лейбниц, Крупп и доктор Доннер» // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 122–126.

⁷¹ À propos (фр.) — кстати.

⁷² Фокин Михаил Михайлович (1880–1942) — танцовщик и балетмейстер, в 1909–1912, 1914 годах руководитель балетной труппы Русских сезонов в Париже.

⁷³ Шапокляк — складной, на пружинах цилиндр (от франц. — chapeau claqué; букв. — шляпа-хлопок).

⁷⁴ Карточная игра для двух или четырех человек, из разряда «семейных» игр; похожа на игру в «дураки», но с чуть более усложненными правилами. См.: Леккерство от скуки. М., 1991. С. 123–124.

⁷⁵ Смайльс Сэмюэл (1812–1904) — английский писатель-моралист; его сочинения были популярны в профессорской среде и имелись в библиотеке Н.В.Бугаева, отца писателя. В мемуарах Белый неоднократно выражает свое пренебрежительное отношение к С.Смайльсу, подчеркивая, что неприятие его — знак отказа от устаревшей «позитивистской» культуры «отцов»: «<...> нас уже в гимназическом возрасте воротило от Смайльсов, которыми в отрочестве перечитались и мы <...>» (Белый А. На рубеже двух столетий. С. 38).

⁷⁶ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918) — профессор Московского университета, историк западноевропейской литературы.

⁷⁷ Ср. строки эпитафии к «Пиковой даме» А.С.Пушкина: «А в ненастные дни / Собирались они / Часто <...> Так, в ненастные дни, / Занимались они / Делом».

⁷⁸ Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) — режиссер, организатор (в 1914 г.) и руководитель Камерного театра.

⁷⁹ Похожие проявления общественной активности отмечены, в частности, в мемуарах генерала Брусилова: «Ярко сохранились у меня в памяти несколько дней зимних праздников 1915/16 года. <...> Как кинематографическая лента, ежедневно менялись у меня перед глазами впечатления: то <...> представители различных городов и организаций с подарками на фронт, то артисты, желавшие веселить и развлекать наших воинов, то дамы со всевозможными делами, толковыми и бестолковыми. В эту зиму их было особенно много <...>» (Брусилов А.А. Мои воспоминания. [М.], 1946. С. 169).

⁸⁰ Усов Павел Сергеевич (1867–1917) — врач-терапевт, преподаватель Московского университета, кадет, активный деятель земгора. П.С.Усов был сыном крестного отца Белого, проф.С.А.Усова, зоолога, искусствоведа, близкого друга семьи Бугаевых. В качестве врача П.С.Усов присутствовал при кончине М.С. и О.С.Соловьевых, лечил и самого Белого. Однако в поздних мемуарах писатель всячески стремился подчеркнуть свою неприязнь к Усову и указать, порой не слишком убедительно, на антагонизм жизненных позиций и идеологии: «<...> из профессора медицины, покойного Павла Сергеевича Усова <...> с усилием вынудился лишь правейший кадет, любивший играть роль в московском обществе» (Белый А. Начало века. С. 119).

⁸¹ Рубинштейн Дмитрий Львович (1876–1936) — крупный банкир (директор правления Русско-Французского банка), делец, пользовавшийся скандальной славой. «Богатые приемы в особняке банкира Рубинштейна на Марсовом поле, где бывал тогда «весь Петербург», вызывали в свое время много толков», — отмечалось в его некрологе (Последние новости. Париж. 1936. 17 марта — приводится в комментариях Р.Д.Тименчика к публикации воспоминаний Б.М.Прилежаевой-Барской «Бродячая собака» — Минувшее: Исторический альманах. 23. СПб., 1998. С. 417). Общественность единодушно обвиняла Д.Л.Рубинштейна в финансовых спекуляциях, пособничестве Германии, влиянии — через Распутина — на правительственные назначения и т.д.; в 1916 г. он был арестован, но, ко всеобщему возмущению, вскоре освобожден. Ср.: «Легкая нажива и грабеж объединяли банкира еврея Рубинштейна с отъявленным черносотенцем и погромщиком попом Питиримом, взяточника Манасевича-Мануйлова с главой Совета министров Штюрмером, а все вместе они находили приют и защиту у придворного пророка Распутина» (Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 16).

⁸² Фря — «важничаящая особа» (В.Даль); фронда — движение против абсолютизма во Франции в 17 в.; здесь — оппозиция.

⁸³ Ср. строки из «Медного всадника» А.С.Пушкина: «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно <...>». Намек на западническо-либеральную ориентацию газеты «Русские ведомости» (1863–1918). «Эн-эс»-ами обычно называли членов Трудовой народно-социалистической партии (1906–18), которая выделилась из правого крыла эсеров и в июне 1917 г. объединилась с трудовиками. Однако здесь Белый скорее всего имеет в виду не их, а членов «Партии народной свободы» (1905–17), то есть кадетов, чье влияние на политическую программу газеты «Русские ведомости» было действительно сильно.

⁸⁴ «Простое как мычание» — первый сборник «избранных» произведений В.В.Маяковского, выпущенный в 1916 г. в издательстве «Парус». В сборник вошла и поэма «Облако в штанах».

⁸⁵ Голови́зна — голова голова большой или красной рыбы (В.Даль).

⁸⁶ Ложемент — ров, окоп.

⁸⁷ Имеется в виду призыв резервистов, проходивших срочную службу с 1900 г. и, соответственно, давно демобилизованных. Ко времени описываемых событий этим людям было около сорока, и они подлежали мобилизации лишь в крайнем случае.

⁸⁸ Имеются в виду события сентября 1915 г., когда немцы внезапно прорвали линию русских войск между Вильной и Двинском и устремились вглубь позиций «для разрушения железных дорог и занятия Молодечно <...>. Три железнодорожные магистрали оказались под ударами германцев. В тылу русских войск <...> быстро нарастала паника, германская кавалерия быстро уничтожала склады и разгоняла учреждения и этапные батальоны» (*Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 325–326). К началу октября германские войска были оттеснены, прорыв ликвидирован.

⁸⁹ Ликиардопуло — см. прим. 19.

⁹⁰ Бош — от французского «bosche» — немецкий: презрительное именование немцев.

⁹¹ Тип ипподромных состязаний.

⁹² Ньюкасл — портовый город в союзнической Великобритании; Берген — портовый город в нейтральной Норвегии. Через Ньюкасл в Берген и далее — в нейтральную Швецию, к Хапаранде, пролегал во время Первой мировой войны единственный морской путь из Европы в Россию. Этим путем двигался, в частности, и сам Белый, когда возвращался в 1916 г. на родину из Швейцарии.

⁹³ Торнео — город на границе Финляндии и Швеции. Въезжающий из Европы прибывал в шведскую Хапаранду, из которой, миновав пограничный пункт, попадал в Торнео, то есть уже в Россию. Хапаранда и Торнео находятся друг против друга, на противоположных берегах реки Торнео, по которой проходила граница.

⁹⁴ Рассел Бертран (1872–1970) — английский философ и логик. Снискал известность не только своими сочинениями, но и левыми политическими воззрениями. В 1914 г. вступил в лейбористскую партию; во время Первой мировой войны выступал как пацифист, за что был отстранен от преподавания в Кэмбриджском Trinity College; шестимесячное тюремное заключение отбыл в 1918 г. Возможно, что геометром Белый называет Б.Рассела из-за его диссертации «An Essay on the Foundation of Geometry» и трудов по математической логике.

⁹⁵ Blanc et noir (*фр.*) — белое и черное.

⁹⁶ 23–26 августа (5–8 сентября) 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд (недалеко от Берна) состоялась первая международная социалистическая конференция интернационалистов, в которой приняли участие представители социал-демократических партий и оппозиционных групп из 11 стран. Тогда же было оформлено так называемое Циммервальдское объединение, выступавшее с осуждением империалистического характера войны. Представлявший русскую социал-демократию В.И.Ленин выступал в Циммервальде с требованием превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Циммервальдистами в России

называли сторонников ленинской идеи поражения собственной страны в империалистической войне и противников курса правительства на «войну до победного конца».

⁹⁷ Словосочетание «Uncle Sam» закрепилось как обозначение американцев из-за созвучия его начальных букв (U.S.) с «государственной» аббревиатурой United States of America (U.S.A.). У Белого в «Пробуде» и в «Масках» — дядя Сам. Вероятно, это результат буквального, «буквенного» чтения-произнесения имени «Sam».

⁹⁸ Plum-pudding — американское рождественское блюдо, пудинг с цукатами, специями, изюмом.

⁹⁹ «Yankee-Doodle» — песня в маршевом ритме, ставшая популярной среди американских солдат во время войны за независимость, гимн штата Коннектикут.

¹⁰⁰ Французские обороты «plait-il» (нравится ли вам?) и «voulez vous» (не хотите ли?) Белый использует не в буквальном смысле, а, видимо, по созвучию с русскими «платил», «гулял».

¹⁰¹ По-видимому, имеется в виду дом, расположенный по адресу: Девичье поле, д.2. В адресной книге «Вся Москва» за 1889 г. его владельцем числится Бом Александр Андреевич, французский гражданин.⁴ «Дом Бом» в Москве был не один: Николай Карлович Бом, коллежский секретарь, проживал в собственном доме по соседству от Белого — в Денежном переулке.

¹⁰² Очевидное обыгрывание строк из стихотворения А.А.Блока «Фабрика» (1903): «В соседнем доме окна желты. / По вечерам — по вечерам / Скрипят задумчивые болты / Подходят люди к воротам».

¹⁰³ Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) — одна из колоритнейших фигур Москвы конца 19 века, театральный деятель, публицист, издатель; переводил пьесы Шекспира и руководил в поливановской гимназии шекспировскими постановками; входил в круг общения Н.В.Бугаева. Белый упоминал о нем в мемуарах (*Белый А. На рубеже двух столетий. С. 94; Белый А. Начало века. С. 355*).

¹⁰⁴ Бернулли Якоб (1654–1705) — профессор математики в Базельском университете, открыл и ввел так называемые бернуллиевы числа (имеют форму дроби), используемые в задачах по математическому анализу и теории бесконечных рядов.

¹⁰⁵ Ср.: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: <...> и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.

И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое» (Откр. 21; 3–5).

¹⁰⁶ Область математической науки, в которой работал профессор Николай Васильевич Бугаев (1837–1903), отец Андрея Белого, прототип главного героя романа «Москва».

¹⁰⁷ Фурнье д'Альб Эдмунд Эдвард (1868–1933) — английский физик и лексикограф.

¹⁰⁸ Аллюзия на известное стихотворение австрийского поэта И.К.Цедлица «Ночной смотр» в переводе В.А.Жуковского (1836): «В двенадцать часов по ночам / Из гроба встает барабанщик <...>»; далее «в двенадцать часов по ночам» — «выходит трубац из могилы», «из гроба встает полководец» и, наконец, в последней строфе — «встает император усопший».

¹⁰⁹ Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) — философ, профессор Московского университета. Белый знал Лопатина с детства (он бывал в доме Бугаевых), в 1904 г. посещал его университетский семинар по «Монадологии» Лейбница, после встречался с ним в салоне М.К.Морозовой (*Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 233 и др.). В мемуарах Белого Л.М.Лопатин фигурирует как представитель консервативной профессорской среды и как заседающей «Литературно-художественного Кружка», один из так называемых «министров» «Кружка»: «<...> Л.М.Лопатин — профессорский «кит» и спирт <...> место его — перед водочной стойкой, где он возникал ежедневно: В двенадцать часов по ночам...» (*Белый А.* Начало века. С. 234, 236). Ср. аналогичный образ Л.М.Лопатина в воспоминаниях В.Ф.Ходасевича: «Гораздо более жизни было сосредоточено в кружковской столовой. Часам к 12 ночи она всегда наполнялась <...>. Около часу ночи появлялся Л.М.Лопатин и тогда как бы начинал бытие свое стол профессорский <...>» (*Ходасевич В.Ф.* Московский Литературно-Художественный кружок // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 390–393)

¹¹⁰ Литературно-художественный кружок (1898–1917). О нем см.: *Белый А.* Начало века. С. 231–239 (Глава «Литературно-художественный кружок» и др.); *Ходасевич В.Ф.* Московский Литературно-Художественный кружок. С. 389–394.

¹¹¹ Железка — азартная карточная игра. Увлечение ею Белый описывает в мемуарах как символ буржуазного распада и бездуховности: «Зал: пасть яблоку некуда; жадная публика: перекрахмаленные буржуа <...> приехали ужинать и продуваться в железку (швырялись десятками тысяч, как мячиком)» (*Белый А.* Начало века. С. 232). Ср.: «Часам к четырем ночи жизнь в столовой начинала замирать, но бурно еще продолжалась в самой живой части Кружка — в карточных комнатах» (*Ходасевич В.Ф.* Московский Литературно-Художественный кружок. С. 390–393).

¹¹² Сумбатов-Южин Александр Иванович (1857–1927) — актер Малого театра (с 1909 г. — руководитель труппы) и драматург; постоянный посетитель Литературно-художественного Кружка и Общества Свободной эстетики. Как и Л.М.Лопатина, Белый причисляет его к «министрам» «Кружка» (*Белый А.* Начало века. С. 234): «<...> надутый и орлоносый профиль Сумбатова-Южина пересекал комнаты так, как в «Кружке», из которого приплывал он с Иванцовым и психиатром Баженовым» (*Белый А.* Между двух революций. С. 196). Отмеченное Белым пристрастие Сумбатова-Южина к картам нашло отражение и в мемуарах других современников. В «Поезде на третьем пути» Дон Аминадо описывает, как перед началом поэтического вечера в «Кружке» («Из Парижа приехал Поль Фор, принц поэтов») князь А.И.Сумбатов-Южин, «быстро пожав руку хозяину, виноватой походкой проходит прямо в игорный зал», а по окончании выступления, когда уже «подавали на серебряных блюдах холодную осетрину под хреном; появился из игорной комнаты Сумбатов и стал вкусно и чинно закусывать» (Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 387, 399).

В воспоминаниях кн. Д.О.Бебутова Сумбатов-Южин упоминается как масон, принявший в ложу в 1908 г. Н.Н.Баженовым (см.: *Берберова Н.Н.* Люди и ложи: русские масоны XX столетия. С. 201, 242).

¹¹³ Ср.: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5; 19).

¹¹⁴ От *лат.* *sanguineus* — кроваво-красный. Сангина — техника рисунка с помощью специальных карандашей коричневых тонов.

¹¹⁵ Здесь Белый наделяет героиню тем же увлечением — собиранием листьев — которое начиная с 1925 г. было свойственно и ему самому. Подробнее об этом см.: *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом. Berkeley, 1981. С. 178 и след.

¹¹⁶ Лазулит — «ископаемое, породы топазов» (В.Даль).

¹¹⁷ Глазенап Сергей Павлович (1848–1937) — знаменитый русский астроном, один из организаторов русского астрономического общества, с 1929 г. — академик АН СССР; исследовал двойные и переменные звезды.

¹¹⁸ Минковский Герман (1864–1909) — немецкий математик и физик, разработал геометрические методы решения трудных вопросов теории чисел. Под четырехосной системой подразумевается так называемое «пространство Минковского» — четырехмерное, включающее, помимо трехмерного физического пространства, время; точки в пространстве Минковского соответствуют событиям.

¹¹⁹ Эрмит Шарль (1822–1901) — французский математик, почетный член Петербургской АН; область занятий — математический анализ, теория чисел, алгебра.

¹²⁰ Абель Нильс Хенрик (1802–1829) изучал интегралы от алгебраических функций (абелевы интегралы), автор первой работы по интегральным уравнениям; занимался теорией чисел и рядов, был одним из создателей теории эллиптических функций.

¹²¹ Гаусс Карл Фридрих (1777–1855) — немецкий математик, почетный член Петербургской АН, занимался алгеброй, теорией чисел и др. областями математики и физики.

Ээли (или Кейли) Артур (1821–1895) — английский математик, почетный член-корреспондент Петербургской АН, занимался алгеброй, математическим анализом, геометрией.

Фробениус Фердинанд Георг (1849–1917) — немецкий математик, член Прусской АН, занимался теорией алгебраических чисел.

Эйзенштейн в этом перечне — явная описка; имеется в виду не кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, а основатель современной физики, создатель теории относительности Альберт Эйнштейн (1879–1955); его открытия интересовали Белого, однако отцу писателя они не могли быть известны.

¹²² По-видимому, опечатка. Впрочем, возможно, Белый пожертвовал слогом в слове «параллелепипед» ради ритма фразы.

¹²³ Указывая, что Киерко писал в «Искре», первой (основана в 1900 г.) российской нелегальной марксистской газете, где ведущую роль играл В.И. Ленин, Белый, безусловно, хотел представить своего героя как большевика и таким образом обеспечить себе какое-то идеологическое алиби. Однако ленинская «Искра» уже в 1903 г. перешла в руки его противников, а в 1905 г. и вовсе прекратила свое существование. Так что во время Первой мировой войны даже самый ярый большевик-ленинец печататься в «Искре» никак не мог.